

О Б Л А К О

надъ

СД 1
ЭКК

С В Я Т И Л И Щ Е М Ъ,

или

нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ.

Сочиненіе Г. Эккартсгаузена,
изданное въ 1802 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернатора.

Изданіемъ Переводника.

Санктпетербургъ.
Въ Императорской типографіи,
1804 года.

A-109878.

1.4_H 17-18" H

О Б Л А К О

надъ

СД 1
ЭКК

С В Я Т И Л И Щ Е М Ъ,

или

нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ.

Сочиненіе Г. Эккартсгаузена,
изданное въ 1802 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернатора.

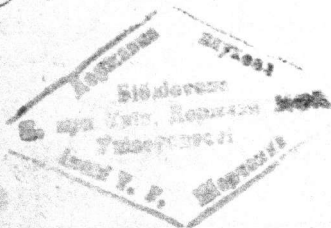
Изданіемъ Переводника.

Санктпетербургъ.
Въ Императорской типографіи,
1804 года.

-109878

Не въ силѣ величѣй, ни въ
крѣпости, но въ Дусѣ своемъ по-
бѣждаетъ Господь. *Зах. IV. 6.*

Ч
8 109878 читальня

Въ сей книжкѣ мѣи представляемъ
тебѣ, Любезный Читатель, одно изъ
последнихъ твореній сего Автора,
изданныхъ имъ въ свѣтъ; ибо онъ,
по долговременной и тяжелой головной
болѣзни, въ Маѣ мѣсяцѣ прошлаго
1803 года кончилъ здѣшнюю жизнь
свою. Наспавленіе Клоаса Софрониму,
помѣщенное нами въ Ошрывкахъ,
писано имъ не задолго предъ своею
континою, по облегченіи отъ болѣзни;
и какъ оно на Нѣмецкомъ языкѣ
не было еще напечатано: то вѣро-
ятно есть самое последнее его со-
чиненіе, полученное нами въ руко-
писи. Мѣи думаемъ, Любезный Чи-
татель, что ты соединишь съ нами
добрыя твои желанія и благосло-
вишь память всякаго Трудника, ра-
ботающаго въ вертоградѣ Господ-
немъ.

Поставленные у Автора, на
винсетъ, которой и мы удержали,
Латинскія слова знагати: Безъ
облака для насъ.

У. М.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Для шихаго и спокойнаго Наблю-
дашеля ни кошорый вѣкъ такъ не
примѣчашеленъ, какъ нашъ. Вездѣ
броженіе и круженіе въ умахъ и
въ сердцахъ человѣческихъ; вездѣ
борьба свѣта со тьмою — борьба
мершвыхъ идей съ живыми — мер-
швой, немощной воли съ живою дѣя-
тельской силою — брань скошочело-
вѣка съ будущимъ Духо-человѣкомъ.

Напрятги послѣднія силы швои,
ешешественный человѣкъ! Самая борь-
ба швоя возвѣщаетъ вышнюю напу-
ру, въ шебѣ усыпленную. Ты пред-

чувствуешь, ты ощущаешь достоинство свое: но все вокругъ тебя еще темно, и свѣшильникъ слабаго твоего разума недостаточенъ къ освѣщенію предметовъ, которыхъ ты достигать долженъ.

Говорятъ, мы живемъ въ *вѣкъ Просвѣщенія* — но правильнѣе сказать, бы надлежало въ *вѣкъ мерцанія*. Кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ сквозь облако тьмы: но прямо онъ не освѣщаетъ еще ни разума нашего, ни сердца. Люди несогласны въ понятіяхъ, ученые спорятъ: а гдѣ споръ, тамъ еще нѣтъ истины.

Наиважнѣйшіе для человѣчества предметы еще не утверждены; мы несогласны ни въ началѣ разума, ни въ началѣ нравственности, или побудительной причинѣ воли, — доказательство, что мы среди великаго сего времени Просвѣщенія не знаемъ еще прямо, какова у насъ голова и сердце.

Можетъ быть все сіе скорѣе узнали бы мы, если бы не во-

ображали себѣ, что свѣшльникѣ
познанія у насѣ уже въ рукахѣ;
и есшлы бы мы хошя разѣ прямо
взглянули на немощь нашу, и узна-
ли, что намѣ пошребенѣ вышній
свѣшль.

Мы живемѣ во времена идолослу-
женія разуму; мы возжигаемѣ на
алшарѣ его смоляной факелѣ, и
громко кричимѣ: шеперь-шо восходѣ
солнца; шеперь-шо начинается день,
въ кошорый мѣрѣ, чрезѣ Науки и
Художесшва и ушонченный вкусѣ, и
также чрезѣ чистое познаніе въ
Религіи, опчасу болѣе просвѣщаеш-
ся и совершенсшвуешся!

Бѣдные человекѣ! Далеко ли же
разпросшранили вы блаженсшво че-
ловѣческое? Бывалѣ ли полно какой
вѣкѣ, кошорый бы споилѣ человекѣ-
сшву сполькихѣ жершвѣ, какѣ ны-
нѣшній? Бывалѣ ли когда вѣкѣ,
въ кошоромѣ бы невѣжесшво и
эгоизмѣ болѣе господсшвовали, какѣ
въ нынѣшнемѣ? (Какѣ-шо доказала

Франція.) Дерево по плодамъ познается.

Человѣки, обезумленные мнимымъ своимъ натуральнымъ разумомъ! Откуда взяли вы свѣтъ, которымъ другихъ просвѣщать хошите? Не всѣ ли понятія ваши заимствованы отъ чувственности, которая не доставляетъ истины, а только явления ея?

Все *познавательное* во времени и пространствѣ не есть ли *относительное*? Все, что мы называть можемъ истиною, не есть ли истина относительная? Совершенной истины не въ сферѣ явленій искать надлежитъ.

И такъ натуральный вашъ разумъ имѣетъ не существо, а только видъ истины и свѣта. Чѣмъ же болѣе блескъ сей увеличивается и внѣшно разпространяется, тѣмъ болѣе существо свѣта внутри уменьшается; и человѣкъ, ослабляясь блестящимъ, хватается за блестящій образъ безъ существа.

Нынѣшняя наша философія возноситъ слабый естесственнѣй разумъ на степень независимаго существа; приписываетъ ему власть Законодавца, похищаетъ у него вышнюю силу, дѣлаетъ его самосущимъ, и претворяетъ въ дѣйствительное Божество, отсѣкая всякую связь, всякое истинное сообщеніе между имъ и Богомъ; и сей-то Божокъ — Разумъ — не вѣдущій другого закона кромѣ своего собственнаго, долженъ править людьми и дѣлать ихъ счастливыми! Тьма должна разпространять свѣтъ, бѣдность богатство, и смерть живошворить!

Истина ведетъ людей къ блаженству: можете ли же вы имъ дать его?

То, что вы *истиною* называете, есть только пустая форма понятія о чувственныхъ, или и неподлежащихъ чувствамъ предметахъ, совѣтъ чрезъ чувства полученная и разумомъ чрезъ составленіе примѣ-

енныхъ соотношеній въ науку, или въ бредъ, приведенная: вещественной же истины вы не имѣете; духовное и вещественное начало есть для васъ непостижимость (Noûmen).

Моральную истину, теоретическую ли то, практическую ли, извлекаете вы изъ Писанія и преданій. — Но какъ началомъ вашего Разума есть самость, а побужденіемъ Воли одинъ эгоизмъ: то вы собственнымъ вашимъ свѣтомъ или не видите повелительнаго закона нравственности, или отражаете его вашею волею. До сего-то дошло нынѣшнее просвѣщеніе. Самость, въ одеждѣ философическаго лицемѣрія, есть чадо гибели, рожденное въ міръ ею.

Кто будетъ утверждать, что солнце стоитъ въ полуднѣ, когда ни одинъ лучъ не утѣшаетъ страны той, и ни малѣйшая теплота не оживляетъ ея растѣній? Когда Мудрость не исправляетъ человѣковъ, и Любовь не дѣлаетъ ихъ

счастливецъ: то мало еще сдѣлано для вселенныхъ.

О! когда бы естественный, или чувственный, человекъ увидѣлъ, что началомъ разума у него только собственность, побужденіемъ воли только самость, и что по тому самому онъ долженъ быть крайне бѣденъ и несчастенъ: то онъ сжалъ бы искашь вышняго начала внутри себя, и приблизился бы къ источнику, который можетъ всѣмъ дать сіе начало; ибо оно есть Премудрость въ существѣ.

Христосъ есть Премудрость, Истина и Любовь. Яко Премудрость, Онъ есть начало разума, источникъ чистѣйшаго познанія; яко Любовь, Онъ есть начало нравственности, существо чистое побужденіе воли.

Любовь и Премудрость совершаютъ Духа истины, который есть внутренній свѣтъ, освѣщающій сверхчувственные предметы и въ насъ ихъ осуществляющій.

Невѣрояшно, сколь глубоко по-
грязаетъ человѣкъ въ заблужденіе,
когда оставляетъ простыя истины
вѣры и поставляетъ на мѣсто ихъ
свое *мнѣніе*!

Нашъ вѣкъ хочетъ опредѣлить
начало разума и нравственности,
или побудительную причину воли,
головою: но если бы господа Уче-
ные были повнимательнѣе, то мо-
жетъ быть нашли бы оное лучше
опредѣленнымъ въ сердцѣ самаго
простого человѣка, нежели во всѣхъ
ихъ блистательныхъ умствованіяхъ.

Практическій Христіанинъ сію
побудительную причину воли, начало
всякой нравственности, существен-
но и вещественно находитъ въ
своемъ сердцѣ; и оно выражается
въ слѣдующемъ правилѣ:

*Люби Бога нагѣ всего, а бли-
жняго какъ самаго себя.*

Любовь къ Богу и ближнему есть
побудительная причина воли Хри-
стіанина; а самое существо любви
есть въ насъ Христосъ.

Такъ и начало разума есть въ насъ Премудрость, а существо Премудрости, или Премудрость въ существѣ, опять есть Хриосъ, свѣтъ міра: и такъ въ Немъ обрѣщаемъ мы начало и разума и нравственности.

Все, что я здѣсь говорю, не есть высокопарная мечта, а дѣйствительная подлинность, совершенная истина, которую всякой опытомъ самъ дознать можешь, какъ скоро примешь въ себя начало разума и нравственности, *Христа*, яко Премудрость и Любовь. Онъ самъ нарекъ себя Истиною, и единъ Онъ есть Премудрость и Любовь.

Но чувственный человѣкъ крѣпко запертъ для кореннаго основанія всего истиннаго и сверхчувственного; и самъ разумъ, который нынѣ хотимъ мы возвестъ на престолъ, яко законодателя, есть только смыслъ чувствъ, коего свѣтъ разнится отъ того свѣта такъ, какъ свѣтъ гнилушки отъ сіянія солнечнаго.

Совершенная истина не есть для чувственнаго человека, а для внутреннего, для Духочеловѣка, копорый имѣетъ свое чувствилище, или прямѣе сказать внутренний смыслъ, для пріятія совершенной истины сверхчувственнаго міра; — духовное чувство, обозрѣвающее духовные предметы также натурально, какъ внѣшнее чувство разсматриваетъ внѣшніе предметы.

Сіе внутреннее чувство Духочеловѣка, сіе чувствилище метафизическаго міра, къ сожалѣнію, неизвѣстно еще сущимъ внѣ сего міра, и есть тайна царствія Божія.

Нынѣшнее невѣріе ко всему, чего чувственный нашъ смыслъ не понимаетъ, причиною того, что самоважнѣйшія для человѣковъ истины отвергаются.

Да и какъ бытъ пому иначе? Ибо чшобъ увидѣть, надобно имѣть глаза; чшобъ услышать, имѣть уши. Для каждаго чувственнаго предмета пошребно свое чувство: такъ равно

и для метафизическаго предмета пошребно свое чувствилище: а сіе внутреннее чувствилище у большей части людей заперто; и пошому чувственный человекъ судитъ о метафизическомъ мірѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ, и какъ глухой о звукѣ.

Есть существенное начало разума и существенная причина воли. Оба они вмѣстѣ суть начало новой жизни, и нравственность существенно въ нихъ состоитъ. Сей чистый разумъ и соединенное съ нимъ существо воли есть въ насъ Богочеловекъ Христосъ, свѣтъ міра, которому надлежитъ вступить непосредственно въ союзъ съ нами, чтобъ намъ дѣйствительно познать его.

Сіе дѣйствительное познаніе есть живая *вѣра*, у которой все переходитъ въ духъ и истину.

И такъ для принятія онаго должно необходимо быть такъ организовану духовному чувствилищу, духовному внутреннему органу, спо-

собному кѣ пріятію сего свѣта: но у большей части людей оно заключено подѣ корою чувственности.

Сей внутренній органъ есть чувство зрѣнія сверхчувственного міра; и пока сіе зрѣніе въ насъ не откроется, до тѣхъ поръ мы не можемъ имѣть прямого вѣдѣнія о вышнихъ истинахъ.

Заключенность сего органа есть необходимое слѣдствіе очувствившагося паденіемъ человека; грубая матерія, заключающая сіе внутреннее чувствилище, есть чешуя, покрывающая внутреннее око, и дѣлающая наружное око неспособнымъ зрѣть міръ духовный. Сіаже самая матерія запираетъ и внутреннее наше ухо, дабы мы не слышали гласовъ метафизическаго міра, и прищипляетъ внутренній нашъ языкъ, дабы мы не произносили сильныхъ словъ духа, копорыя нѣкогда мы изрекали и чрезъ копорыя мы повѣлвали вышнюю нашу рою и сшестіями.

Въ отверстіи сего духовнаго чувствилища заключається шайна возрожденія и внушреннѣйшаго соединенія челоѡка съ Богомъ — высочайшая цѣль религіи здѣсь на земли.

Изъ сего легко уразумѣть можно, для чего религія всегда настоишь о покореніи чувственнаго челоѡка духовному? Причина тому та, что она хочеть духовнаго челоѡка сдѣлать господствующимъ, дабы Духочелоѡкъ, или истинный Умочелоѡкъ, господствовалъ надъ чувственнымъ. Сію истину чувствуютъ и философы; заблужденіе его только въ томъ, что онъ не знаетъ истиннаго начала разума, и хочеть на мѣсто его поставитъ свою собственность, свой чувственный смыслъ.

Какъ челоѡкъ внутри себя имѣеть духовный органъ и чувствилище къ принятію истиннаго начала разума, или божественной Премудрости, и истиннаго побужденія воли, или Божественной любви: такъ и внѣ имѣеть онъ физическое, ма-

теріальное чувствилище къ принятію сіянія свѣта, сіянія истины. И какъ внѣшняя Натура не имѣетъ совершенной истины, а только опосредственную, *кажущуюся* истину: то необходимо слѣдуетъ, что человѣческой разумъ не можетъ получать умной истины, а только блескъ ея; только явленіе, которое, на мѣсто побудительной причины воли его, возбуждаетъ въ немъ шокмо похоть, въ коей и состоитъ порча чувственнаго человека, или поврежденной Натуры.

Сіе наружное чувствилище человека составлено изъ неравноформенной плѣнной сущности: внутреннее же имѣетъ основаніемъ неплѣнное, сверхчувственное, метафизическое существо.

Первое есть причиною нашей плѣнности и смертности: второе причиною неплѣнности и бессмертія.

Въ области матеріальной, или плѣнной Натуры, бессмертное облечено смертнымъ; и отъ плѣнной

матеріи смертности происходиѣ
вся бѣдность наша.

Дабы человѣку освободиться отъ
сей бѣдности, нужно, чтобы не-
плѣнное, внутри насъ кроющееся,
безсмертное Начало въ насъ раскры-
лось и какъ бы поглотило плѣнное
и смертное, дабы оболочка чувствен-
ности спала, и человѣкъ явился
въ первобытной своей чистотѣ.

Сія кора чувственной натуры,
которая есть дѣйствительно плѣн-
ная и въ крови нашей находящаяся
сущность, составляетъ узы, содер-
жащія насъ безсмертный духъ ско-
ваннымъ въ бренной смертной пло-
ти.

Сія кора можетъ въ каждомъ
человѣкѣ, болѣе или менѣе, быть
совлечена; и чрезъ то духъ полу-
чаетъ болѣе свободы, и слѣдова-
тельно болѣе познанія о сверхчув-
ственномъ, къ которому онъ подходитъ.

Три есть степеніи, или три
разные градуса, раскрытія въ насъ
духовнаго чувства, или чувствительна.

Первая степень простирается только до нравственнаго добра, и сверхчувственный міръ дѣйствуетъ въ насъ внутренними движеніями, кои называются *Внушеніями*, или *Вдохновеніями*.

Вторая и вышшая степень разверзаетъ наше чувствилище къ пріямую духовнаго и умнаго; и мешафизическій міръ дѣйствуетъ въ насъ внутренними *Просвѣщеніями*.

Третья и высочайшая, но и самая рѣдкая степень, разверзаетъ все внутреннее, (снимаетъ всю кору съ духовнаго нашего ока и уха,) и доставляетъ намъ полное *Созерцаніе* духовнаго царства — видимостъ мешафизическихъ чувственныхъ предметовъ: чѣмъ изъясняющся вдругъ всѣ видѣнія совсѣмъ натурально.

И такъ мы имѣемъ во внутреннемъ нашемъ такоеже чувство и видимостъ, какъ и во внѣшнемъ: только предметы и чувства различны. Во внѣшнемъ дѣйствуетъ въ насъ скопсочувственное побуж-

деніе, и дѣйствіе сіе приємлетъ плѣнная чувственная матерія: а во внутреннемъ дѣйствуеѣ въ насъ недѣлимая метафизическая сущность; приємлетъ же сіи вліянія неплѣнное безсмертное существо нашего духа. Но вообще все дѣлаеѣя также натурально и во внутреннемъ, какъ и во наружномъ. Законъ вездѣ одинъ.

Поелику же духъ, или внутренний нашъ человекъ, имѣетъ совсѣмъ другое чувство и способность представленія, нежели естественный человекъ: то ни мало не удивительно, что онъ остаеѣя загадкою для нашихъ Ученыхъ, не вѣдающихъ сего чувства, и не испытавшихъ сверхчувственного духовнаго міра. И пошому они мѣряютъ сверхчувственное мѣрою чувственности, плѣнное возбужденіе смѣшивающъ съ неплѣнною сущностію; и отъ шого необходимо судяѣя о предметахъ также ложно, какъ люди, у коихъ недостаеѣя чувства и кои слѣдовашельно не могутъ получитьъ понятія о

вещи, шѣмъ чувствомъ постигаемой, и не могушъ принять ни относительной, ни совершенной истины. Приведенными здѣсь истинами мы обязаны Кантовой философіи.

Кантъ неоспоримо доказалъ, что разумъ, въ естественномъ своемъ состояніи, о сверхчувственномъ, духовномъ и вышнемъ ничего не знаетъ, и ничего ни по разложенію, ни по сложенію, узнать не можетъ; и слѣдовательно ни возможности, ни дѣйствительности Духовъ, душъ и Бога доказать не въ состояніи.

Сіе есть великая и весьма благошворная истина для нашихъ временъ, хотя Апостолъ Павелъ давно уже подтвердилъ ее въ I. Посланіи къ *Кор. II. 24.* Но языческая философія Христіанскихъ Ученыхъ умѣла опдалить ее до временъ Кантовыхъ.

Благошворность сей истины двояка: во первыхъ она полагаетъ непрѣмнныя границы чувствамъ, фанатизму и мечтамъ разума; во вторыхъ представляетъ въ яснѣйшемъ

свѣтъ потребность и божественность Откровения, когда доказано, что человѣческой разумъ, будучи запертъ для всего сверхчувственного, безъ Откровения не имѣлъ бы никакого вѣрнаго источника, откуда почерпалъ ему познаніе о Богѣ, о духовномъ мірѣ, о душѣ и безсмертіи ея; и слѣдовательно совершенно бы ему невозможно было не только знать, ниже воображать о семъ что либо.

И такъ мы обязаны Каншу, что онъ и философамъ доказалъ то, что въ вышнемъ училищѣ свѣтоноснаго общества давно доказано, а именно: что безъ Откровения не возможно имѣть познанія ни о Богѣ, ни о душѣ.

Изъ сего ясно заключить можно, что кореннымъ основаніемъ всѣмъ религіямъ въ мірѣ должно быть всемірное Откровеніе.

По Каншовой системѣ доказано, что умный міръ совсѣмъ неприступенъ для естественнаго разума;

— Богъ обитаешъ въ такомъ свѣтѣ, куда — никакое умозрѣніе, никакой неопровержимый разумъ проникнуть не можетъ.

И такъ чувственный, или естественный человекъ, не имѣетъ понятія о сверхчувственномъ. И потому нужно было ему Откровеніе вышнихъ истинъ, и нужна была въра въ Откровеніе: ибо върою подающа средства къ раскрытію внутренняго чувствилища, (Sensorium,) которыми могутъ быть поняты истины, самыя непостижимыя для естественнаго человека.

Совершенно справедливо, что съ новыми чувствами получаемъ мы новыя понятія о предметахъ. — Сіи предметы могутъ существовать и не быть нами примѣчены, за неимѣніемъ удобопріемлющаго органа. Цвѣты есть, но слѣпой ихъ не видитъ; звуки есть, но глухой ихъ не слышитъ. Недостатокъ сего находящійся не въ приемлемомъ предметѣ, а въ приемлющемъ органѣ.

Съ раскрытіемъ въ насъ новаго органа мы новое видимъ, новое испытываемъ. Духовный міръ невидимъ для насъ только по тому, что въ насъ не раскрылся тотъ органъ, который можетъ сдѣлать его видимымъ.

Съ раскрытіемъ новаго органа вдругъ поднимается завѣса, непроницаемый покровъ снимается, облако надъ Святилищемъ исчезаетъ; являясь новый міръ, чешуя съ нашихъ глазъ спадаетъ, и мы вдругъ преселяемся изъ страны явленій въ страну Истины.

Единъ Богъ есть прямое существо, совершенная Истина; единъ онъ есть *свѣтъ*: мы же только то, что Онъ изъ насъ творитъ.

Для него все въ единствѣ: для насъ же во множественности.

Къ сему опроверженію внутренняго чувствилища многія тысячи людей совсѣмъ не имѣютъ чувства, такъ какъ и къ истинной внутренней жизни духа, которой они совсѣмъ не вѣдаютъ и не ощущаютъ: а потому

и знать не могу́тъ, что духовное и сверхчувственное понимать можно, и что можно въ сверхчувственномъ возвыситься до *Созерцанія*.

Истинное великое строеніе Храма состои́тъ единственно въ томъ, чтобы сокруши́тъ бѣдную Адамову хижину и созда́тъ Храмъ Божеству, или другими словами сказа́ть: раскры́тъ въ себѣ внутреннее чувствилище, или Богообщительный органъ, по раскрытіи котораго мешающее физическое плотное начало возобладаетъ надъ земнымъ, и человѣкъ начнетъ жить уже не началомъ самолюбія, но духомъ и истиною, которыми онъ есть Храмъ.

Тогда законъ нравственности состоя́тъ будетъ въ любви и въ дѣйствованіи, вмѣсто того, что онъ въ чувственномъ, наружномъ, естественномъ человѣкѣ остается только пустою мысленною формою; и духовный человѣкъ, яко возрожденный въ духъ, видитъ тогда въ существѣ все то, о чемъ естествен-

ный человѣкъ только мечтаетъ, только имѣетъ пустой звукъ, признаки и буквы, которыя всѣ, безъ внутренняго духа, суть безжизненные мертвые образа.

Высочайшая цѣль Религіи есть внутреннѣйшее соединеніе человѣка съ Богомъ, которое и здѣсь еще возможно: но не иначе, какъ посредствомъ раскрытія внутренняго духовнаго нашего чувствилища, шворящаго отверсшее сердце наше удобнымъ къ принятію Бога.

Сіи - то суть великія таинства, о которыхъ наша философія и грезишь не можетъ, и къ которымъ ключъ не у нашихъ школьныхъ Ученыхъ находится.

Но между тѣмъ всегда существовало вышнее Училище, которому ввѣрены были всѣ сіи познанія, и которое было Свѣтоносное Общество, или Церковь Господня; Общество Избранныхъ, которое съ перваго дня шворенія до нынѣшнихъ временъ непрерывно продол-

жалось, и котораго члены хошя по
 всему міру разсѣяны, но всегда
 въ духѣ и испинѣ соединены; все-
 гда одно только познаніе, одинъ
 источникъ истины, одного Господа,
 Учишеля и Маспера имѣли; такого
 Учишеля и Маспера, въ которомъ
 всеобщая полноша Божества суще-
 ственно обитаешъ, и который единъ
 посвящашъ ихъ въ высокія таин-
 ства какъ Нашуры, такъ и Духовнаго
 міра; и сіе благодатное Общество
 издревле называлось невидимою вну-
 треннею Церковію, или древнѣй-
 шимъ Обществомъ, о которомъ
 въ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ
 болѣе.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Нужно подашь вамъ, Возлюбленные о Господѣ Братья! чистое понятіе о внутренней церкви, — о томъ свѣтозарномъ обществѣ Божіемъ, которое по всему міру разсѣяно, но управляется единою истиною и сопряжено единымъ духомъ.

Сіе свѣтоносное Общество существуетъ съ перваго дня міробытія, и продолжится до конца временъ.

Оно есть Общество Избранныхъ, познающихъ во тьмѣ свѣтъ, и принимающихъ его въ свою собственность.

Сіе Свѣтоносное Общество имѣетъ у себя такое Училище, въ которомъ самъ Духъ Истины поучаетъ жаждущихъ свѣта, и въ которомъ всѣ тайны Божіи и тайны Натуры

сохраняются для чадъ свѣта. Совершенное познаніе Бога, совершенное знаніе Натуры и человѣчества суть предметы ученія въ семъ Училищѣ. Изъ онаго исходятъ въ міръ всѣ истины; оно было училищемъ Пророковъ и всѣхъ ищущихъ Премудрости. Въ немъ токмо можно найти истину и изъясненіе всѣхъ таинствъ и мистерій. Оно есть самое внутреннѣйшее Общество, и имѣетъ членовъ не изъ одного міра. Теперь слѣдуютъ понятія о немъ.

Издревле внутреннее было основаніемъ внѣшнему, которое было токмо выраженіемъ, чертежемъ онаго.

Издревле былъ такой внутренній Соборъ, общество Избранныхъ, способныхъ ко свѣту и ищущихъ свѣта; и сіе внутреннее Общество называлось внутреннѣйшимъ Священствомъ, или внутреннею Церковію.

Все, что внѣшняя церковь имѣетъ въ образахъ, обрядахъ и чино-

положеніяхъ, есть буква, которой духъ и истина находится во внутренней.

И такъ внутренняя Церковь есть такое Общество, коего члены разсѣяны по всему міру, но коихъ внутренно соединяетъ единый духъ любви и истины. Они всегда работали надъ строеніемъ великаго Храма возрожденія человечества, чрезъ которое открывается царство Божіе, состоящее въ обществѣ Свѣтоспособныхъ, или Избранныхъ.

Сіи Свѣтоспособные соединены духомъ и истиною, и глава ихъ есть самъ свѣтъ міра, Христосъ, Помазанникъ свѣта, единственный Ходай рода человеческого, путь, истина и жизнь, Первоначальный свѣтъ, Премудрость, единственное *средство* къ достиженію человекамъ къ Богу.

Внутренняя Церковь началась тотчасъ по паденіи человека и непосредственно отъ Бога получила откровеніе, какимъ образомъ падшій

родъ человѣческій будетъ паки возведенъ въ свое достоинство и искупленъ отъ своей бѣдности. Она получила въ залогъ всѣ опкровенія, и всѣ тайны, и ключъ къ истинному познанію какъ божественнаго, такъ и естествонаго.

Но когда люди разрезнились: по слабость и немощь человѣческія сдѣлали необходимымъ наружное Общество, кошорое бы заключало въ себѣ внутреннее сокровенно, и духъ и истину скрывало подъ буквами. Ибо какъ множество, толпа, народъ, неспособны къ постиженію великихъ внутреннихъ тайнъ, и весьма было бы опасно ввѣришь всесвящѣйшее неспособнымъ: по внутреннія истины облечены были въ наружные чувственные обряды, дабы чрезъ чувственное и наружное, яко образъ внутренняго, удобнѣе привести челоуковъ къ внутреннимъ духовнымъ истинамъ.

Внутреннее же всегда ввѣрялось самому свѣтоспособнѣйшему того

времени; онѣ былѣ обладатель сего залога, яко Первосвященникѣ во Святая Святыхѣ.

Когда же по слабости человекѣ, не могущихѣ сносить полного свѣта, внутреннія истины должны были облечься въ наружные чувственные образа: тогда произошло внѣшнее богослуженіе, которое однако всегда пребывало оппечашкомѣ и выраженіемѣ внутренняго, то есть истиннаго поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ.

Разность между духовнымѣ и скопскимѣ, или разумнымѣ и чувственнымѣ человекѣмѣ, сдѣлала необходимымѣ наружное и внутреннее. Внутреннія духовныя истины вступили въ наружное подѣ покровомѣ образовѣ и обрядовѣ, дабы возбудить вниманіе въ чувственномѣ скопчеловекѣ, и мало по малу препроводить его ко внутреннимѣ истинамѣ.

По сему наружное богослуженіе было чувственное изображеніе внутреннихѣ истинѣ, истинныхѣ со-

опношеній между человѣкомъ и Богомъ, до паденія, по паденіи, и въ состояніи его достоинства, усыновленія и совершеннаго *примирения*. На сихъ трехъ главныхъ опношеніяхъ основаны всѣ чувственныя знамѣнія внѣшняго Богослуженія.

Осправленіе сего внѣшняго Богослуженія названо священнодѣйствіемъ. Сіе священнодѣйствіе въ первыя времена осправлялъ каждый отецъ семейства. Первенцы плодовъ и скопъ приносины были въ жертву Богу: первые въ знакъ того, что все питающее и сохраняющее нашу жизнь происходитъ отъ него; вторые во знаменованіе того, что живошній скопской человѣкъ долженъ быть умерщвленъ и закланъ, дабы данъ мѣсто духовному и разумному человѣку.

Внѣшнему Богослуженію не надлежало никогда ошдѣляться отъ внутренняго; но какъ слабость человѣческая легко въ буквѣ забываетъ духа: то Духъ Божій между всѣми

народами возбуждалъ всегда способнѣйшихъ ко свѣту, и употреблялъ ихъ своими Повѣренными къ возженію повсюду истины и свѣта, по способности человѣковъ, дабы мершвую букву оживить духомъ и истиною.

Посредствомъ сихъ Божескихъ орудій внутреннія истины Священства разсѣялись между самыми опдаленнѣйшими народами, и по способностямъ, обычаямъ и мѣстному положенію cadaго, представлены были чувственно: такъ что наружные образа во всѣхъ религіяхъ, Богослуженіе ихъ, обряды и священныя книги вообще имѣютъ предметомъ своимъ внутреннія истины Священства, съ тѣмъ только различіемъ, что одни яснѣе, другія темнѣе то выражаютъ, и ими шокмо въ послѣднія времена человѣчество доведено будетъ до всеобщности познанія единыя истины.

Чѣмъ болѣе внѣшнее Богослуженіе въ какомъ народѣ пребывало соединенно съ духомъ внутреннихъ истинъ,

тѣмъ чище была его религія: чѣмъ же болѣе изобразительная буква ошдѣлялась отъ внутренняго духа, тѣмъ несовершеннѣе становилась религія — превращившаяся наконецъ у нѣкоторыхъ въ многобожіе — когда внѣшняя буква внутренній свой духъ совсѣмъ пошереяла, и ошался одинъ мертвый обрядъ безъ души и безъ жизни.

Когда же сѣмена главнѣйшихъ истинъ посѣялись во всѣхъ народахъ Свѣтоспособными, Повѣренными Божиими: тогда Богъ избралъ одинъ особенный народъ, дабы предсавишь живой примѣръ, какъ хоцешъ Онъ правишь всѣмъ родомъ человѣческимъ въ настоящемъ его соспояніи, и привести его къ высочайшему очищенію (измовенію) и совершенству.

Сему избранному народу самъ Богъ учредилъ внѣшнее его Богослуженіе, и въ знакъ истины даровалъ ему всѣ обществєнные символы и

обряды, въ коихъ, какъ въ отпеча-
скахъ, содержались великія вну-
треннія истины Священища.

Сію внѣшнюю церковь Богъ освя-
тилъ во Авраамъ, далъ ей заповѣди
въ Моисей, и обѣщалъ ей обѣщана-
ніе высочайшаго ея совершенства въ
двукрашномъ пришествіи Іисуса Хри-
ста: — сперва въ собственномъ Его
бытіи на земли, въ нищетѣ и спра-
даніи; а потомъ въ сообщеніи Духа
его во славу воскресшаго.

Какъ же основаніе внѣшней Церкви
положилъ самъ Богъ: по весь со-
ставъ образовъ внѣшняго Богослу-
женія составлялъ Храмовую, или
Священническую науку шѣхъ вре-
менъ, и всѣ таинства святѣйшихъ
внутреннихъ истинъ чрезъ Откро-
веніе вступили во внѣшнее.

Знаніе сей священной символиче-
ской науки составляло науку воз-
соединенія падшаго человека съ Бо-
гомъ. Отсюда-то Религія получила
свое имя, яко ученіе о *возсоединеніи*

разлученнаго и удаленнаго отъ Бога человека съ началомъ.

Изъ сего чистаго понятія слова *Религія* вообще легко видѣть можно, что Религія во внутреннѣйшемъ Священницѣ одна, и что множество внѣшнихъ религій никогда сей единичности ни перемѣнишь, ни ослабишь не можешь; ибо единство есть основаніемъ всему внѣшнему.

Храмовая мудрость Вѣщаго Заѣта была въ рукахъ Священниковъ и Пророковъ.

Священнику повѣрялось наружное, буква, изображеніе, Іероглифъ.

Пророки хранили внутреннее, духъ, истину; — и всегдашнею ихъ должностію было обращать Священниковъ отъ буквы къ духу; ибо они часто забывали духа, и оставались при одной буквѣ.

Наука Священническая была наука знанія внѣшнихъ образовъ.

Наука Пророческая была знаніе и практическое стяжаніе духа и истины тѣхъ образовъ. Въ наруж-

номъ была буква: во внутреннемъ живошворящій духъ.

И такъ въ Вешхомъ Завѣшѣ было два Училища: училище Священниковъ и училище Пророковъ. Первое занималось эмблеммами: а послѣднее испинами, подъ ними разумѣваемыми.

Священники обладали наружнымъ ковчегомъ, хлѣбомъ, свѣщникомъ, манною, жезломъ Аароновымъ: а Пророки внутренними духовными испинами, представляемыми чрезъ сіи образа.

Внѣшняя церковь Вешхаго Завѣша была видима: внутренняя же всегда была и должна быть невидима; и однакожъ она управляла всѣмъ, ибо ей одной ввѣрена власъ и сила.

Наружное Богослуженіе, отдѣляясь отъ внутренняго, пало; и Богъ многими послѣдствіями доспомятыхъ происшествій подшвердилъ ту истину, что буква не можетъ стоять безъ духа, — что она служишь только для препровожденія къ духу, и что она не

нужна, и самимъ Богомъ отвергаешся, когда оставляешъ свое назначеніе.

Какъ духъ Натуры разпространяется въ самыя дикія степи, дабы все оживляшъ, сохраняшъ и возвращашъ, что шокмо расшн можешъ: такъ и духъ Свѣша во внутреннемъ разпространялся по всѣмъ народамъ, дабы внутреннимъ духомъ вездѣ одушевишъ грубую букву. Пошому-шо мы находимъ Іова между идолопоклонниками, Мельхиседека въ народѣ иноплеменномъ, Іосифа у Египетскихъ жрецовъ, и Моисея въ землѣ Мадіамской, въ доказательство, что внутреннее сообщество Свѣшспособныхъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ соединено было въ единомъ духѣ и въ единой истинѣ.

За всѣми сими Дѣйствователями Свѣша внутренняго единшвеннаго Общества, въ срединѣ временъ, послѣдовалъ главнѣйшій Дѣйствователь, самъ Іисусъ Христосъ, Царе-

священникъ по чину Мельхиседекову.

Божескіе Дѣйствователи въ Вѣп-
хомъ Завѣшѣ представляли только
почасно по или по совершенству
Божіе: но въ срединѣ временъ дол-
женствовало возпослѣдовать мощное
дѣйствіе, все вдругъ и въ единомъ
показавшее. Явился всеобщій Обра-
зецъ, который положеннымъ чер-
памъ картины далъ полное един-
ство, отверзъ новыя врата, и чи-
сло работы человѣческой уничто-
жилъ; — строгость привелъ въ лю-
бовь; и, яко изшекшій образъ са-
мой Премудрости, показалъ человѣку
всю великость существа его; снова
оживилъ его во всѣхъ силахъ, увѣ-
рилъ въ безсмертіи, и умное его
существо содѣлалъ истиннымъ Хра-
момъ Духа.

Сей высочайшій Дѣйствователь,
Искупитель міра и всеобщій Возро-
дитель, устремилъ весь взоръ къ
той истинѣ, коею человѣкъ могъ
сохранишь свое бытіе, и возвра-

шить себѣ прежнее достоинство. Въ уничиженіи своемъ положилъ онъ основаніе къ искупленію рода человеческого, и увѣрилъ, что нѣкогда онъ совершенно подасѣбъ оное Духомъ своимъ, какъ-то испинно показалъ онъ надъ своими Апостолами вкрапцѣ все, что съ его Избранными случится.

Между Избранными своими, которымъ послалъ Онъ Духа Истины, продолжалъ Онъ цѣпь внутренняго Свѣтоноснаго Общества, и увѣрилъ оному всѣ Божественныя и естественныя истины, во свидѣтельство того, что онъ внутренней своей Церкви никогда не покинетъ.

Когда буква и прообразовательное Богослуженіе внѣшней церкви Вѣххаго Завѣща, вочеловѣченіемъ Спасителя, перешли въ истину и событіе, и въ лицѣ Искупителя подтвердились: тогда опять новые символы сдѣлались нужными для внѣшности, которые бы въ буквѣ

показывали намъ будущее, или всецѣлое совершеніе искупленія.

По симъ непреложнымъ кореннымъ истинамъ учреждены были прообразовательные обряды и чиноположенія наружной Христіанской церкви, которые возвѣщали вещи неописанной силы и величайшей важности, извѣстныя помянутому, кои вѣдали самое внутреннее Священство.

Сіе внутреннее Священство пребывало всегда непремѣннымъ и непоколебимымъ, хотя внѣшнее религіи, буква, по временамъ и обстоятельствомъ, получала различныя преобразованія и оплошала отъ внутреннихъ истинъ, которыя могутъ сохранять наружное только какъ букву.

Неуваженіе къ истинной цѣли Христіанства и желаніе все переправить перемѣнило наружное зданіе и облекло племою и смертію то, что во внутреннемъ было свѣтъ и жизнь. Возстали расколы и ереси, и софистической духъ хотѣлъ извѣ-

яснить букву, пошербв уже духа истины.

Невбріе довело порчу сію до высочайшей степени; искали пошрясти Христіанство вб самыхъ первыхъ его основаніяхъ, и смбшали святое внутреннее сб наружнымъ, подверженнымъ немощи и невбжеству бранныхъ чловбковъ.

Возсталъ Деизмъ. Онъ породилъ Матеріализмъ, который всю связь чловбка сб вышними силами почелъ за мечту: а наконецъ настало и совершенное оприцаніе Бога — частію умомъ, частію сердцемъ — послбднее и крайнбйшее уничиженіе чловбка!

При всемъ шомъ Истина всегда оставалась непоколебимою во внутреннемъ.

Пребывая вбрными Духу истины, оббщавшему никогда не оставлять своихъ, сіи члены внутренней Церкви жили вб шихомъ уединеніи и непрестанной дбятельности, и Храмовую науку Вешаго Завбща соединяли сб Новозавбшнымъ духомъ Искупи-

теля, смиренно ожидая того великаго часа, когда Господь созовеѣ ихъ и соберетъ свою Церковь, дабы каждой мершвой буквѣ даѣ виѣшнюю силу и жизнь.

Сіе внушреннее Свѣтоносное Общество естъ соединеніе всѣхъ Свѣтоспособныхъ и Избранныхъ, и разумѣетъ подъ именемъ Общества Свяшыхъ.

Сему Свѣтоносному Обществу издревле вѣренны были всѣ силы и истины; и оно одно, какъ говоритъ св. Павелъ, обладало наукою Свяшыхъ. Вѣ немъ образовались вѣ каждомъ вѣкѣ Повѣренны Дѣйствоваѣли Божіи, изходившіе изъ внушренняго вѣ наружное, и сообщавшіе духъ и жизнь мершвымъ буквамъ, какъ выше сказано.

Сіе просвѣщенное Общество издревле было истиннымъ Училищемъ Духа Божія; и яко Училище, оно имѣетъ также свою каѣдру и своего Магистра; книгу, изъ копорой ученики учаѣся; формы и предмѣш,

которымъ учаща, и методу, по которой учаща.

Первая и самая низшая степень состоитъ въ нравственной добротѣ, при которой просшая, Богу покоренная, воля чистымъ возбужденіемъ, — которое возбужденіе есть самъ Христосъ, върою возпріяшый, — руководствуется къ добру. Средства, духомъ сего Училища употребляемыя, называющіяся *Внушенія*, или *Вдохновенія*.

Вторая степень состоитъ въ просвѣщеніи разумномъ, чрезъ которое добродѣтельный и съ Богомъ соединенный человекъ увѣнчивается умъ свой Премудростію и свѣтомъ познанія; и средства къ тому называющіяся внутренними *Просвѣщеніями*.

Наконецъ претъя и высочайшая степень есть совершенное отверстіе внутренняго нашего чувствительнаго лица, чрезъ что внутренній человекъ достигаетъ до настоящаго созерцанія метафизическихъ дѣйствитель-

тельныхъ истинъ. На сей высочайшей степенѣ вѣра переходитъ въ созерцаніе; и средства, употребляемыя къ сему Духомъ, суть истинныя *Видѣнія*.

Сіи-то суть при степенѣ истиннаго Училища Премудрости внутренней свѣтоносной Церкви. Тотъже Духъ, который творитъ человѣковъ способными къ сей Церкви, сообщаетъ и степенѣ сіи, по мѣрѣ содѣйствія ихъ.

Сіе Училище Премудрости было всегда тайнѣйшее и сокровеннѣйшее въ мірѣ; ибо всегда было невидимо, и подчинено единственно Божескому правленію.

Никогда не было оно подвержено непостоянству времени и немощи человѣческой; ибо всегда въ оное избирались только самые способнѣйшіе; и Духъ, избиравшій ихъ, не могъ обмануться въ выборѣ.

Изъ сего Училища произрасли отрасли всѣхъ высокихъ наукъ, которыя, бывъ приняты внѣшними

училищами, преображены въ другія формы, и часто были обезображиваемы.

Сіе внутреннее общество Мудрыхъ, по временамъ и обстоятельствомъ, сообщало всѣмъ наружнымъ обществамъ образовательные свои Іероглифы, дабы наружныхъ чело-вѣковъ сдѣлать внимательными къ великимъ истинамъ внутренняго.

Но всѣ наружныя общества продолжались только до тѣхъ поръ, пока сіе внутреннее сообщало имъ своего духа. Какъ же скоро замыслили они сдѣлаться независимыми отъ внутренняго, и Храмъ Премудрости претворить въ полипическое зданіе: то внутреннее отъ нихъ отсѣпавало, и они отсѣпавались только бездушною буквою.

Такимъ образомъ всѣ внѣшнія тайныя училища Премудрости были только изъ Іероглифовъ выпканныя завѣсы: самая же истина скрывалась всегда во Святилищѣ, дабы не быть оскверненною.

Въ семѣ внутреннемъ обществѣ находишъ человѣкъ Премудрость, и съ нею все; — не мудрость міра, кошорая есть только знаніе безъ Премудрости; — кошорая бродитъ только около внѣшней оболочки и никогда не касается центра, всѣ силы въ себѣ содержащаго: — тамъ находяшъ истинную Премудрость, и людей, ей посвященныхъ, — людей лучшихъ въ семѣ мірѣ; тамъ находяшъ мудрыхъ, добрыхъ человѣковъ, а не гордыхъ Ученыхъ.

Всѣ споры, всѣ распри, всѣ предметы ложной мірской мудрости, всѣ спранные ученія, суешныя мудрованія, несчастныя порожденія мнѣній, засѣвающихъ сѣмена раздора; всякія заблужденія, секшы и системы не перескупаютъ за прагъ сего Храма. Тамъ не найдешь ничего ни безчестнаго, ни бездѣльнаго; каждый человѣкъ тамъ почтенъ; сашира, остроуміе, столь часто роскошествующія на счетъ другихъ,

тамъ не извѣстны, а извѣстна одна любовь.

Злословіе — сіе чудовище міра! — никогда между друзьями Премудрости не воздымаетъ змѣиной главы своей; — щадишь и любишь, одни слова здѣсь извѣстныя! Здѣсь не смѣются надъ недоспашками, не дѣлають горькихъ упрековъ за прощупки, бережно и съ любовію ведутъ по пуши истины; — щашся убѣдишь, пронуть, а наказаніе предоставляютъ яснѣйшему познанію и свѣту; — здѣсь вспомошествоють нуждамъ, подкрѣпляютъ слабосъ, и радуются о успѣвающимъ и о высокомъ его достоинствѣ.

Счасіе, даръ случая, не возвышаетъ здѣсь одного надъ другимъ; — шомъ почиаетъ себя счасливѣйшимъ, кшо имѣетъ случай благошворишь другому.

И всѣ сіи челоувѣки, соединенные токмо духомъ любви и истины, составляютъ невидимую Церковь, Общество невидимаго царствія вну-

преніяго подѣ единымѣ Настояще-
лемѣ, который есть самѣ Богѣ.

Подѣ симѣ обществомѣ не дол-
жно представлять себѣ какое ни-
будь тайное собраніе, которое въ
извѣстное время собирается, изби-
раетѣ своихѣ начальниковѣ и сочле-
новѣ, и предполагаетѣ себѣ какую
либо особенную цѣль. Всѣ обще-
ства, какія бы они ни были, дол-
жны уступить сему внутреннему
обществу въ мудрости. Оно не
знаетѣ никакихѣ обрядовѣ, которые
суть швореніе внѣшней оболочки,
швореніе человѣческое: въ царствѣ
силѣ всѣ наружныя формы исче-
заютѣ.

Самѣ Богѣ есть непремѣнный
Глава онаго. Лучшій изѣ человѣковѣ
того времени есть первый Намѣ-
стникѣ его. Онѣ не знаетѣ самѣ
всѣхѣ своихѣ членовѣ; но естѣли,
по намѣреніямѣ Божескимѣ, надобно
будетѣ ему узнать ихѣ: то въ
шужѣ минушу онѣ вѣрно находятѣ

ихъ въ міръ гошовыми содѣйство-
вашъ къ предназначенной цѣли.

Въ семъ обществѣ нѣтъ ника-
кихъ наружныхъ опличій. Кто упо-
требляется къ дѣйствованію отъ
Бога, шотъ и есть первый; являешся
другимъ безъ надменности, и прие-
мleshся ими безъ зависти. Еshьли
же нужно бываешъ истиннымъ со-
членамъ собраться: шотъ они без-
ошибочно находятъ и узнаютъ другъ
друга, и подлога шутъ бытъ не
можетъ; никакая маска лицемѣрія,
никакое пришворство не скроетъ
характерическихъ чертъ сего Обще-
ства: ибо свойства сіи слишкомъ
оригинальны, чшобы къ нимъ под-
дѣлаться было можно; личина шутъ
сдираешся, и все являешся въ пря-
момъ своемъ видѣ.

Никакой сочленъ не можетъ из-
братъ другаго: избраніе сіе предо-
сшавляешъ себѣ Духъ всѣхъ. Всѣ
человѣки къ сему призывающся, и
званные могутъ бытъ избранными,
ешьли они ко входу сюда созрѣютъ.

Входа сюда искашь всякъ можешъ, и находящійся во внутреннемъ можешъ научить другаго, какъ искашь онаго: но пока кто не созрѣлъ, не можешъ войти во внутреннее.

Незрѣлые человѣки внесли бы въ общество безпорядокъ, а безпорядокъ во внутреннемъ неперпимъ; оно отвергаетъ все не свойственное, не однородное.

Мірская мудрость щещно допытывается сего внутренняго, хитрость щещно доискивается сокрытыхъ въ ономъ тайнствъ: для того, кто не дозрѣлъ, все іероглифъ; онъ не можешъ во внутреннемъ ни видѣть, ни чинать.

Но созрѣвшій примыкается къ цѣпи сей; всупаешъ во внутреннее, и можешъ быть тогда, когда самъ о томъ не вѣдаешъ.

Старайся созрѣть должно быть работою Любителя Премудрости. Есть также и средства къ созрѣванію.

Въ семѣ внутреннемъ Обществѣ хранятся всѣ первоначальныя знанія человеческого рода, всѣ первоначальныя науки; оно одно имѣетъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ, и знаетъ внутреннее Натуры и шворенія; оно есть такое общество, которое примыкается къ вышнимъ силамъ, и членами своими считаетъ жителей не одного міра; оно есть такое общество, котораго сочлены образуютъ Теократическое (Богомъ правимое) Правительство, которое нѣкогда будетъ центромъ Правительствъ всего міра.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Истина, скрывающаяся во внутреннѣйшемъ шаинспвѣ, подобна солнцу. Орлиному только оку, просвѣщенному шокмо уму, дозволяется взирать на нее: глаза всякаго другаго смершнаго ослабляются ею, и во свѣшѣ обѣмлетъ его пьма. Великое *Мѣсто*, скрывающееся во внутреннѣйшемъ свяшихъ шаинспвѣ, никогда не было сокрыто отъ орлиного взора Свѣшспособнаго.

Богъ и Нашура не имѣютъ никакихъ шаинъ для чадъ своихъ. Тайна заключается шокмо въ нашей немощи, неспособной сносить свѣшъ, и неугошованной къ цѣломудренному взору на нагую истину.

Сія наша немощь есть Облако, покрывающее Свяшилище; она есть

завѣса, заграждающая входъ во Свя-
тая Святыхъ.

Но дабы человекъ могъ паки
пріобрѣсть пошерянный свѣтъ, по-
шерянную силу, пошерянное досто-
инство свое: то любобильный Богъ
снизошелъ къ слабости тварей сво-
ихъ, и написалъ внутреннія вѣчныя
истины и таинства на внѣшности
вещей, дабы человекъ могъ паки по-
лучить букву, и чрезъ нее возне-
сшись къ духу.

Сии буквы суть внѣшніе обряды
религіи, которая ведетъ ко внутрен-
нему, дѣятельному, живому духу воз-
соединенія съ Богомъ.

Такіяже буквы суть и Іерогли-
фы въ Мистеріяхъ, чертежи и обра-
за внутреннихъ святыхъ истинъ,
скрывающихся за сею Іероглифи-
ческою завѣсою, предъ Святилищемъ
проспершою.

Религія и Мистеріи, давъ другъ
другу руку, взаимно спомоществу-
ють себѣ въ приведеніи человекъ,
братъевъ нашихъ, къ единой исти

нѣ. Обою имѣютъ цѣлю обращеніе наше и обновленіе существа нашего; обою стараются о возстановленіи Храма, въ коемъ бы обитали Премудрость съ Любовію, или Богъ съ человекомъ.

Но и Религія и Мистеріи были бы безполезныя установленія, есль-ли бы Божество не даровало имъ истинныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію великой ихъ цѣли.

Сии средства всегда скрывались во внутреннѣйшемъ Священницѣ. Мистеріи служатъ къ сооруженію Храма Религіи; а Религія къ соединенію въ ономъ человекомъ съ Богомъ.

Вотъ сколь велика Религія, и какого высокаго достоинства Мистеріи всѣхъ временъ!

Оскорбительно было бы для васъ, Сердечно-возлюбленные Братья! есль-ли бы мы возмнили, что вы когда либо на святыя таинства взирали не изъ сей точки зрѣнія, представляющей ихъ единственнымъ сред-

сшвомъ къ сохраненію въ чистотѣ и истинѣ ученія важнѣйшихъ истинъ о Богѣ, Нашурѣ и чловѣкѣ, облеченныхъ во свѣшый прообразовашельный языкъ; важнѣйшихъ истинъ, которыя, бывъ по временамъ предлагаемы на обыкновенный чловѣческій языкъ между непросвѣщенными, дѣлались всегда темнѣе и невразумительнѣе.

Мистеріи, какъ вамъ извѣстно, нѣжно-возлюбленные Братья! обѣщающъ таинсшва, которыя были и будущъ всегда наслѣдіемъ немногихъ шокмо чловѣковъ; таинсшва, которыя не продающся, ни съ кафедры публично не проповѣдующся; таинсшва, къ которымъ способно шолько сердце, стремящееся къ Премудрости и Любви, и въ копоромъ Премудрость и Любовь уже возбуждены.

Въ комъ возгорѣлось сіе священное пламя, шощъ истинно счастливъ, всѣмъ доволенъ, и въ неволѣ свободенъ. Онъ видитъ причину чело-

вѣческихъ развращеній, и знаетъ ихъ
неизбѣжность; никакого преступ-
ника не ненавидитъ, а сожалѣетъ
о немъ; стараешься поднять падаю-
щего, исправить заблуждающаго, не
погашаетъ курящейся свѣщильни,
не сокрушаетъ преломленной про-
сви; ибо чувствуешь, что при
всей изпорченности, въ цѣломъ ни-
что еще не изпорчено. Онъ раз-
смащиваетъ прямымъ взоромъ исти-
ну всѣхъ системъ религій въ пер-
вомъ ихъ основаніи, знаетъ исто-
чники суевѣрія и невѣрія, какъ измѣ-
ненія истины, не получившей еще
ездѣ равномерности.

Мы увѣрены, Достойнѣйшіе Братья!
что изъ сей почки зрѣнія разсма-
щиваете вы Миссика, и не при-
писываете въ вину царственной его
наукѣ то, что частная опромет-
чивость нѣкоторыхъ, по временамъ
и общомятельствамъ, шворила.

По симъ положеніямъ, которыя
совершенно наши, разсмащивать
вы будете религію и таинства свя-

тыхъ Училищъ Премудрости, яко сесирѣ, кошорыя, держа другѣ друга за руку, старались всегда во благѣ всѣхъ челоѣковѣ, съ самой шой минушы, какѣ онѣ сдѣлались нужными.

Религія раздѣляется на виѣшнюю и внутреннюю. Виѣшняя имѣетъ предметомъ Богослуженіе и обряды, внутренняя поклоненіе духомъ и истиною.

Равно и Училища Премудрости раздѣляются на виѣшнія и внутреннія: виѣшнія обладають буквою Іероглифовъ, внутреннія духомъ и смысломъ.

Виѣшняя религія соединяется съ внутреннею чрезъ обряды: виѣшнее училище Мистерій соединяется съ внутреннимъ чрезъ Іероглифы.

Но мы приближаемся къ тому времени, когда духъ оживотворишь букву; облако, покрывающее Святилище, исчезнетъ; Іероглифы перейдутъ въ видимость, а слова въ смыслъ.

Мы приближаемся къ тому времени, въ которое великая завѣса, скрывающая Святая Святыхъ, раздерется; чшипель святыхъ таинствъ будетъ изъясняться не внѣшними уже словами и знаками, а духомъ словъ и истиною знаковъ.

Равно и Религія не будетъ болѣе наружнымъ только обрядомъ: но внутреннія святыя таинства перейдутъ въ наружное Богослуженіе, дабы приутоповишь человекъ къ поклоненію Богу духомъ и истиною.

Скоро исчезнетъ мрачная ночь образовательнаго языка; свѣтъ породитъ день, и священный мракъ таинствъ предстанетъ въ сіяніи высочайшей истины.

Пути свѣта угошованы для Избранныхъ и Свѣтоспособныхъ; свѣтъ Нашуры, свѣтъ Разума, и свѣтъ Опкровенія соединятся.

Преддворіе Нашуры, Храмъ Разума и Свяшилище Опкровенія сославятъ одинъ Храмъ. Такъ совершится великое оное строеніе, состоя

щее въ соединеніи челоѣка съ Натуруо и Богомъ.

Соѡершенное познаніе челоѣка, соѡершенное познаніе Натуры, соѡершенное познаніе Бога будущъ свѣшильниками вождямъ челоѣчества, дабы брательнъ ихъ, челоѣковъ, препровождать ошвсюду съ темныхъ пушей предразсудковъ къ чистому разуму, и со спезей бурныхъ спрашей къ спокойнымъ пушамъ самопреданія и добродѣтели.

Вънцемъ Владыкъ міра будетъ разумъ, скинешпромъ дѣяшельная любовь; а Свяпилище дастъ имъ помязаніе и силу къ освобожденію умовъ людскихъ ошъ предразсудковъ и тьмы, сердецъ ошъ страшей самолюбія и своекорыстія, и физитескаго ихъ бѣтїя ошъ ушѣснительной бѣдноспи и удручительной болѣзни.

Мы приближаемся къ царству Испины и Любви, къ царству самаго Бога, Испочника свѣша. — Брательнъ свѣша! Одна шолько есть религія, коей единственная истина раздѣ-

лилась во всѣ религіи, какъ въ вѣшъви, дабы изъ множесшвенности привесшъ паки въ одну религію.

Сыны Испины! Одинъ только Орденъ, одно собрашство, одинъ союзъ единомысленныхъ, свѣтоспособныхъ, чрезъ копорый можно доспигашъ свѣта, изъ средоточія коего неразуміе воздвигло безчисленное множество Орденовъ, думая обратишъ всѣхъ отъ множесшвенности мнѣній къ единсшвенной испи-нѣ и истинному союзу, копорый есть союзъ Свѣтоспособныхъ, или сообщество Избранныхъ.

По сему размѣру должны измѣряемы бышъ всѣ религіи и человѣскіе союзы. Множесшвенность находишся въ обрядахъ внѣшняго: истина же одна, и есть шокмо во внушреннемъ.

Множесштво собрашствъ зависишъ отъ множесшва шолковъ на Іероглифы, по временамъ, нуждамъ и обстоятельсшвамъ: истинное же Свѣтоносное общество должно бышъ одно.

Все внѣшнее есть буква, различивающаяся непрестанно: но единичность духа во внутреннемъ никогда не перемѣняется и не ослабѣваетъ.

Буква была нужна; мы должны были научись найти ее, сложить ее и прочесть, дабы паки достигнуть внутреннего смысла и духа.

Всякія заблужденія, всякія разколы, всякіе кривые толки, и все, что въ религіяхъ и тайныхъ обществахъ подало поводъ къ столь многимъ заблужденіямъ, принадлежахъ къ буквѣ: духъ же всегда оставался неприкосновенъ и святъ. Все касалось наружной завѣсы, на которой написаны были Іероглифы, обряды и чиноположенія: до внутреннего же ничто не касалось.

Все, что заблужденіе, недоразумѣніе, своекорыстіе и алчность во зло употребили, было только наружное, что на коврѣ, что на завѣсѣ было начертано: но что за завѣсою было, то осталось чисто и свято.

Нынѣ настаетъ время совершенства ищущихъ свѣта, Свѣтоспособныхъ, Избранныхъ.

Настаетъ время, въ которое вѣшное съ новымъ, вѣшнее со внутреннимъ, верхнее съ нижнимъ, сердце съ разумомъ, человекъ съ Богомъ соединяется; и сія эпоха предоставлена нынѣшнему столѣтію.

Не спрашивайте, Возлюбленные Братья! для чего нынѣшнему столѣтію?

Всему есть свое время между существами, заключенными во времени и пространствѣ. Таковы непремѣнные законы Премудрости Божіей, все учреждающей къ гармоніи и совершенству.

Избранные должны были прежде потрудиться въ снисканіи Премудрости и Любви, дабы заслужить ту силу, которую неизмѣняющееся Божество даетъ только мудрому и любящему.

Въ ночи ожидаемъ мы утра; на концѣ возходитъ солнце и вспу-

паешъ въ ясный полдень, гдѣ всякая тѣнь отъ прямыхъ лучей его исчезаетъ. Такъ сперва долженъствовала бытъ буква истины; потомъ пришелъ практическій Исполкователь, сама Истина; за симъ только можешъ приити Духъ истины, утверждающій истину и налагающій на свѣтъ свою печать. Кто способенъ понимать истину, тотъ насъ пойметъ.

Къ вамъ, сердечно — возлюбленные Братья, постоянно спремившіеся къ истинѣ, и сохранившіе вѣрно Іероглифы священныхъ таинствъ во Храмъ ихъ! Къ вамъ обращается первый лучъ свѣта, проникающій сквозь облака таинствъ, дабы возвѣститъ вамъ приближеніе полудня, и сокровищъ, кои онъ съ собой приноситъ.

Не спрашивайте: кто таковы пишущіе къ вамъ? Смотрите на духъ, а не на букву; на вещь, а не на лицо.

Не корыстолюбіе, не высокомеріе, не неблагородное какое намбре-

ніе владычествуетъ во дворахъ нашихъ. Мы вѣдаемъ цѣль назначенія человѣческаго; и свѣтъ, насъ освѣщающій, учреждаетъ всѣ наши поступки.

Мы именно призваны писать къ вамъ, во свѣтъ возлюбленные Братья! и порукою нашего званія суть истины, коими мы обладаемъ, и копорыя, при малѣйшемъ мановеніи вашемъ, будемъ сообщать вамъ, по способностямъ вашимъ.

Сообщительность свойственна свѣту, гдѣ свѣтъ пріемлется и гдѣ къ принятію его способность находится. Но никогда насильно онъ не вѣдряется, а ожидаетъ спокойнаго принятія.

Воля наша, цѣль наша, званіе наше то, чтобы повсюду оживлять мершвую букву; повсюду давая Іероглифамъ духъ, а бездушнымъ знакамъ живую истину; повсюду дѣлать недѣйствующее дѣйствующимъ и мершвое живымъ: но все сіе можемъ мы не сами собою, а

свѣтомъ Духа Того, Который есть Премудрость, Любовь и Свѣтъ міра, и который хочетъ содѣлаться духомъ и свѣтомъ и вашимъ.

Донынѣ внутреннѣйшее Священство ослучено было отъ Храма, и Храмъ подверженъ былъ нападеніямъ отъ находившихся въ Преддворіяхъ. Теперь настаетъ время, когда самое внутреннѣйшее Священство паки соединится съ Храмомъ, дабы сущіе во Храмъ могли дѣйствовать на живущихъ въ Преддворіяхъ, пока Преддворіе не изпровергнуто.

Въ нашемъ Священствѣ, скрывающемся во внутреннѣйшемъ, всѣ таинства Духа и Истины сохранены невредимо; они и не могли никогда быть искажены нечестивыми, ни осквернены нечистыми.

Сіе Священство невидимо, какъ сила, только по дѣйствию познаваемая.

Изъ сего краткаго начертанія вы узнаете, Любезные Братья! кто мы таковы; и излишне было бы

удостоверяеть васъ, что мы не изъ числа тѣхъ безпокойныхъ головъ, которыя хошятъ учредить въ гражданскомъ обществѣ мечшу своей фаншазіи; — не принадлежимъ также и къ тѣмъ, копорые желяють играть въ мірѣ важную роль и обѣщають чудеса, коихъ сами не знаютъ; — ни къ тѣмъ, копорые по неудовольствіямъ хошѣли бы описишь нѣкоторымъ состояніямъ, или копорые имѣють цѣлю властолюбіе, нелѣпости и сумасбродство.

Мы можемъ васъ увѣришь, что мы не принадлежимъ ни къ какой сектѣ и ни къ какому обществу, кромѣ великаго и истиннаго общества всѣхъ Свѣтоспособныхъ; и что никакая особенная парсія, какая бы то ни была, не имѣетъ здѣсь ни малѣйшаго вліянія. Мы можемъ только увѣришь васъ вѣрою и вѣрностью нашею, что мы внутреннѣйшее Религіи и священныхъ Таинствъ дѣйствительно знаемъ; и то, что

во внутреннѣйшемъ оныхъ когда либо сокрытымъ предполагалось, дѣйствительно имѣемъ. И сіе-то самое обладаніе даетъ намъ силу удостоверить васъ въ званіи нашемъ, и вездѣ мертвому Іероглифу и буквѣ сообщить духъ и жизнь.

Сокровища нашего Свяпилища велики. Мы имѣемъ смыслъ и духъ всѣхъ Іероглифовъ и обрядовъ, какіе только со дня шворенія до нынѣшнихъ временъ существовали, и внутреннѣйшія истины всѣхъ священныхъ книгъ, съ обрядными законами древнѣйшихъ народовъ, вѣдаемъ.

Мы обладаемъ Свѣтомъ, насъ помазующимъ, и чрезъ который мы сокровеннѣйшее Нашуры разумѣемъ.

Мы обладаемъ Огнемъ, насъ питающимъ и дающимъ силу дѣйствовать на все, въ Нашурѣ сущее.

Мы обладаемъ Ключемъ, открывающимъ источники тайнствъ, и Ключемъ, запирающимъ рабочныя храмины Нашуры.

Мы обладаемъ Знаніемъ союза, соединяющаго насъ съ вышними мірами, и знаемъ поны и вещи тѣхъ вышнихъ міровъ дѣлашь чувствеными.

Все чудесное въ Нашурѣ покорено силѣ воли нашей, соединенной съ Божествомъ.

Мы обладаемъ Наукою почерпашъ идеи изъ самой Нашуры, въ коей нѣтъ заблужденія, а одна истина и свѣтъ.

Въ Училищѣ нашемъ всему научиться можно; ибо Учитель нашъ есть самъ Свѣтъ и его Духъ. Полноша вѣдѣнія нашего состоишь въ знаніи союза Божественнаго міра съ духовнымъ, духовнаго съ спихійнымъ, и спихійнаго съ матеріальнымъ.

Чрезъ сіи знанія мы можемъ разполагашъ духами, Нашурою, и сердцемъ человѣческимъ.

Науки наши суть общанное наслѣдіе Избранныхъ, или Свѣтоспособныхъ: а практика нашихъ наукъ

состоитъ въ исполненіи Божескаго завѣща съ сынами человѣческими.

Мы могли бы, Дражайшіе Братья! наказать вамъ чудеса о вещахъ, въ сокровищницахъ Святилища скрывающихся, такъ что вы удивились бы и пришли отъ сего въ изумленіе. Мы могли бы наказать вамъ о такихъ вещахъ, отъ понятія кошорыхъ самый глубокомысленнѣйшій философъ такъ далекъ, какъ земля отъ солнца, и къ кошорымъ мы такъ близки, какъ свѣтъ ко внутреннѣйшему всѣхъ существъ.

Но нѣтъ у насъ намѣренія возбуждать въ васъ любопытство. Только внутреннее убѣжденіе и жажда ко благу братьевъ нашихъ, человѣковъ, должны побуждать Свѣтоспособнаго къ тому Источнику, гдѣ жажда его къ Премудрости и глѣдъ къ Любви утолены быть могутъ.

Премудрость и Любовь обитающъ во дворахъ нашихъ; здѣсь нѣтъ никакого принужденія: истинность прелестей ихъ есть волшебная наша сила.

Мы можемъ васъ увѣрить, что въ нашихъ внутреннѣйшихъ тайнствахъ скрывающіяся сокровища неописанной цѣны, закрытыя такою простотою, что для гордаго Ученаго пребудущъ они навсегда неприслупными; — сокровища, которыя для многихъ непросвѣщенныхъ суть безуміемъ и соблазномъ, а для насъ суть и пребудущъ истинною Премудростію.

Благо вамъ, Братья! ежели вы сіи великія истины ощущаете! Возвращеніе прозякаго слова и силы его будетъ наградою вашею; блаженствомъ же вашимъ будетъ получить силу содѣйствовать къ соединенію человѣковъ съ человѣками, съ Нашурою и Богомъ: — что и есть истинная работа всякаго зиждущаго, который не отвергъ краеугольнаго камня.

Теперь исполнили мы званіе наше и возвѣстили вамъ приближеніе самаго полудня и соединеніе внутреннѣйшаго Свящилища со Храмомъ.

прочее предоспавляемъ свободной
вашей волѣ.

Мы знаемъ, къ гореспному со-
болѣзнованію нашему, что какъ
Искупитель, пришедши къ намъ въ
убожествѣ, лично былъ не признанъ,
поруганъ и гонимъ: шакъ и Духъ
его, когда явился во славѣ, многими
будетъ опринушъ и презрѣнъ. Но
не смотря на шо, должно однакожъ
пришествіе Духа его возвѣститъ
во Храмахъ, да сбудется Писаніе:
„Я сшучалъ у дверей вашихъ, и вы
„мнѣ не отворили; я звалъ, и вы
„гласа моего не слышали; я при-
„глашалъ васъ на бракъ, и вы заня-
„лись другими дѣлами.

Миръ Свѣта и Его Духъ да будутъ
съ вами!!!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Какъ неизчислимое множествѣ чиселъ теряется въ одномъ числѣ, которое есть основаніе всѣхъ чиселъ, единица; и какъ неисчетныя радіусы круга спекающіяся въ одинъ центръ: такъ и необозримыя таинства, Іероглифы и эмблеммы имѣющія предметомъ одну только истину. Кто ее позналъ, тотъ нашелъ ключъ къ познанію всего вдругъ.

Единъ есть Богъ, одна истина, одинъ путь ведущій къ сей великой истинѣ, и одно средство найти ее.

Кто нашелъ сіе средство, тотъ получилъ съ онымъ

Всю Премудрость въ одной книгѣ,
Всѣ силы въ одной силѣ,
Всѣ красоты въ одномъ предметѣ,

Всѣ богатства въ одномъ сокровищѣ,

Всѣ блаженства въ одномъ благѣ:

А *сумма* всѣхъ сихъ совершенствъ есть Іисусъ Христосъ, распятый и воскресшій.

Хотя сія великая истина, какъ мы ее здѣсь представляемъ, есть предметъ Вѣры: однако она можетъ быть предметомъ и Науки и Опыта, если мы спараться будемъ учиться, какъ Христосъ всѣмъ симъ бытъ и учиниться можетъ.

Сія великая тайна всегда была предметомъ ученія въ тайномъ Училищѣ невидимой внутренней Церкви. Сіе ученіе въ первыя времена Христианства извѣстно было подъ именемъ таинственнаго ученія (*Disciplina arcani*); и изъ сего таинственнаго Училища вышли всѣ обряды и чиноположенія наружной Церкви, хотя духъ сихъ великихъ и священныхъ истинъ скрылся во внутреннее, и въ нынѣшнія времена кажет-

ся едва познается любящими одно наружное.

Давно предсказано, Любезные Братья, что въ послѣднія времена все тайное сдѣлается явно: но также предсказано и то, что въ сіи времена возстанутъ многіе лжепророки, и вѣрующимъ дана заповѣдь не всякому духу вѣровать; а испытывать духи, аще оутѣ Бога суть. *1. Иоан.* Гл. IV. ст. 1. и слѣд.

Какъ же сіе испытывать, о томъ говоритъ самъ Апостолъ. Ежели какой духъ признаетъ Иисуса Христа во плоти пришедшимъ: то онъ оутѣ Бога: а который Иисуса раздѣляетъ, то есть оутѣляетъ Его Божество оутѣ человечества, тотъ не есть оутѣ Бога.

И такъ Духъ Истины, Любезные Братья, испытуетъ симъ, и получаетъ печать Божественности, когда исповѣдуетъ Христа, во плоти пришедша.

Мы исповѣдуемъ, что Христосъ пришелъ во плоти, и поному Духъ

Истины говоримъ чрезъ насъ. Но тайна пришествія Христова во плоти весьма обширна, и заключаетъ въ себѣ познаніе всего Бого-человѣческаго, которое мы теперь избираемъ предметомъ нашего поученія.

Какъ мы говоримъ не съ новичками уже въ дѣлахъ Вѣры: то для васъ, Любезные Братья, шѣмъ легче будетъ понимать высокія истины, кои мы вамъ предложимъ намѣрены, что вы, безъ сомнѣнія, разные предуготовительные предметы часто уже избирали цѣлю священныхъ вашихъ размышленій.

Религія, взятая за науку, есть ученіе о возсоединеніи разлученнаго челоѣка съ Богомъ; и потому единственная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы каждый членъ рода челоѣческаго, а наконецъ и все челоѣчество соединить съ Богомъ: въ которомъ соединеніи единственно челоѣки могутъ ожидать высочайшаго временнаго и духовнаго блаженства, и онымъ наслаждаться.

И такъ сіе ученіе о возсоединеніи естъ высочайшей цѣны; и велику оно естъ наука: то необходимо оно должно имѣть и свой образъ ученія, или свою *методу*, чрезъ что бы

Во 1 вело оно насъ къ познанію истиннаго средства возсоединенія, и

Во 2 по узнаніи сего средства научало бы насъ самому способу, какъ употреблять сіе средство сообразно съ цѣлю.

Сего великаго средства возсоединенія, на которое обращается все ученіе Религіи, человѣкъ никогда не узналъ бы безъ Откровенія. Оно находилось всегда внѣ круга учебныхъ знаній; и самое глубокое невѣжество, въ какое человѣкъ погрязъ, сдѣлало необходимымъ Откровеніе, безъ котораго мы никогда бы не нашли путей къ возвращенію.

Изъ Откровенія произошла необходимостъ *вѣрить* Откровенію; ибо не знающему и не испытавшему необходимо надобно сперва повѣришь,

чтобъ узнать и испытать вещь; пошому что когда нѣтъ въ насъ вѣры, то мы мало заботимся объ Откровеніи, и сами себѣ заграждаемъ путь къ открытію средства, въ единомъ шокмо Откровеніи содержащагося.

Откровеніе и Вѣра содержатся между собою такъ, какъ въ Напурѣ дѣйствіе и воздѣйствіе.

Гдѣ нѣтъ воздѣйствія, тамъ необходимо дѣйствіе престаеетъ. Гдѣ нѣтъ Вѣры, тамъ не можно быть Откровенію. Но чѣмъ болѣе Вѣра, тѣмъ болѣе Откровеніе, или открытіе истинъ, во мракѣ сокрытыхъ, и только чрезъ довѣріе наше раскрылись могущихъ.

Хоша правда всѣ таинственныя истины Религіи, и самыя шемнѣйшія и спранными намъ кажуціяся Мистеріи, нѣкогда предъ судилищемъ самаго спржайшаго разума оправдятся: однакожъ немощь челоувѣческая и недосташокъ нашего проницанія въ разсужденіи всей связи

чувствѣнной Натуры съ духовною, сдѣлали необходимымъ, что высочайшія истины постепенно только могутъ быть намъ показаны и открыты. Священный мракъ таинствъ находится только для немощи нашей: такъ какъ и ясный свѣтъ ихъ для того, дабы немощь нашу мало по малу укрѣпимъ, и око наше приучимъ къ зрѣнію полного свѣта.

Вѣрующій, возходя къ откровенію, на каждой ступени получаетъ вышній свѣтъ познанія, и сей свѣтъ также постепенно дѣлается для него удостовѣрительнѣе; ибо каждая постигнутая истина Вѣры мало по малу дѣлается живою и переходитъ въ удостовѣреніе.

И такъ Вѣра основывается на немощи нашей и на ясномъ свѣтѣ Откровенія, который, сообщаясь намъ, долженъ соразмѣряться съ нашею способностію, дабы постепенно доставить намъ видимость вещей вышнихъ.

Предметы, къ зрѣнію которыхъ разумъ человѣческій никакой способности не имѣетъ, необходимо должны состоять въ области Вѣры. Человѣкъ долженъ покомъ благоговѣть и молчать; если же захочетъ доказывать такія вещи, о которыхъ понятія не имѣетъ; то необходимо впадетъ въ заблужденіе. Благоговѣть и молчать человѣкъ долженъ, пока предметы, въ мрачной области Вѣры скрывающіеся, мало по малу вкругъ его проясняются и сдѣлаются познавательными. — Какъ же скоро мы получимъ внутренніе опыты истинъ Вѣры, и переведемся отъ Вѣры къ зрѣнію: тогда все само себя докажетъ.

Во всѣ времена были Богопосвященные мужи, которые сіе внутреннее зрѣніе Вѣры имѣли, совершенно ли, или отъ части, по мѣрѣ сколько сообщеніе истинъ Вѣры переходило въ умъ, или чувство. Сей родъ умозрѣнія названъ Божественнымъ Просвѣщеніемъ, вѣрическимъ

Божескимъ вглаголаніемъ. У многихъ внутреннее чувствилище совсѣмъ открывалось даже до созерцанія, посредствомъ котораго имбли они Божественныя сверхчувственные видѣнія, кои назывались восхищеніями, или восторгами; пошому что разкрывшееся внутреннее чувствилище превозмогало наружное чувственное.

Но таковые люди были всегда неизбяснимою загадкою для чувственного человѣка, да и должны пребыть для него загадкою; ибо онъ для сверхчувственного и сверхъестественнаго не имѣетъ чувства. И пошому ни мало не удивительно, что многихъ, прозрѣвшихъ далѣе въ духовный міръ, назвали мечшателями, фанатиками, или и совсѣмъ сумасшедшими: ибо общее сужденіе людей основывается только на томъ, что чувства дающъ имъ понимать. Пошому въ св. Писаніи весьма ясно сказано: что чувственный человѣкъ не понимаетъ того,

что духовно. Ибо какъ духовное его чувство для сверхчувственного міра въ немъ еще не раскрылось: то необходимо онъ долженъ имѣть столь же мало понятія о семъ мірѣ, сколько слѣпой о цвѣтахъ.

И такъ наружный чувственный человѣкъ потерялъ сіе внутреннее и важнѣйшее чувство, или лучше сказать не радилъ о сокрытой въ немъ способности къ раскрытію сего чувства, не чувствуетъ ея, и слѣдовательно онаго не открываетъ.

И пошому чувственные человѣки вообще духовно слѣпы. Внутреннее ихъ око закрыто, и сія слѣпоша есть еще слѣдствіе паденія перваго человѣка. Тлѣнное вещество, покрывшее его, закрыло внутреннее духовное его око, и отъ того онъ сталъ слѣпъ для зрѣнія внутреннихъ міровъ.

Сугубо несчастенъ человѣкъ! Не только носитъ онъ повязку на глазахъ, закрывающую отъ него познаніе вышнихъ истинъ: но и самое

сердце его томится въ узахъ плоти и крови, лишающихъ его вышняго духовнаго удовольствія, и приковывающихъ его къ скопскимъ чувственнымъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ мы находимся въ неволѣ у похотѣнія, подъ власною шираниствующихъ спрасей, и, какъ бѣдный изувѣченный, храмлющій на обѣплѣснѣ, съ шрудомъ шщимся на двухъ хилыхъ косшыляхъ нашуральнаго нашего разума и нашуральнаго чувства. Топѣ ежедневно выдаетъ намъ блескъ за истину; а сіе ежедневно заставляетъ насъ избирать зло вмѣсто добра. Толь бѣдственно наше состояніе!

Человѣки тогда только могутъ быть счастливыми, когда спадетъ съ глазъ ихъ повязка, затраждающая истинный свѣтъ; тогда только будутъ счастливы, когда разорвутся невольническія узы, опягчающія ихъ сердце. Слѣпой долженъ начать видѣть, хромой ходить, дабы быть счастливыми. Великій, но и спра-

иный законъ, отъ котораго неминимо зависить блаженство человеческое, есть слѣдующій: *Разумъ твой да господствуетъ надъ страстями твоими!*

Нѣсколько уже вѣковъ люди стараются сдѣлать другъ друга разумнѣе и благодѣлнѣе: но что принесло все долговременное наше стараніе? Слепые ходятъ водить слѣпыхъ, хромые хромыхъ, и при всѣхъ глухослыхъ, нами надѣланныхъ, при всей бѣдности, какую мы на себя навлекли, не видимъ мы еще и того, что мы ничего не можемъ, и имѣемъ нужду въ вышней силѣ, дабы выйти изъ сей бѣдности.

Предразсудки и заблужденія изъ вѣка въ вѣкъ смѣняли только другъ друга; пороки и злодѣянія измѣнялись только, а не испреблялись въ человеческѣ. Слепошествоующій разумъ въ каждомъ вѣкѣ бродилъ ощупью въ потьмахъ; спростное сердце въ каждомъ столѣтіи оставалось то же.

Одинъ только изцѣлитъ насъ можетъ; одинъ только въ состояніи раскрыть внутреннее наше око къ узрѣнію истины; одинъ только можетъ снять съ насъ цѣпи, шягощія насъ и дѣлающія невольниками чувствственности.

Сей одинъ есть Христосъ, Икупитель человѣковъ, Икупитель и по тому, что онъ хочетъ изхитить насъ изъ всѣхъ слѣдствій, въ которыя слѣпоша натуральнаго нашего разума и блужденіе спрашнаго сердца насъ явергли.

Ввесьма немногіе человѣки, Любезные Братья, имѣютъ истинное и прямое понятіе о великости искупленія человѣческаго. Многіе вѣрятъ только, что Христосъ Господь пролишою имъ кровію искупилъ насъ отъ осужденія, или вѣчнаго ошлученія отъ Бога; но не вѣрятъ, что онъ хочетъ еще и здѣсь освободить Своихъ отъ всякія бѣдности.

Христосъ есть Избавитель міра, Истребитель человѣческой бѣдности, искупившій насъ отъ смерти и грѣ-

ха. Но какъ бы Онъ былъ шаковымъ, естѣли бы мѣръ долженствоваль всегда помишья во шмѣ неразумія и въ оковахъ страстей? Весьма ясно предсказано о семъ еще у Пророка, что придетъ время искушенія народа Его, оная первая суббота временъ. Давно могли бы мы узнать сіе утѣшительное обѣщаніе: но недоспашокъ въ истинномъ познаніи Бога, чело-вѣка и Натуры причиною, что сіи великія истины вѣры еще ошъ насъ сокрыты.

Надобно знать, Братья мои, что Натура двояка: чистая, духовная, безсмертная, неразрушимая, и не-чистая, матеріальная, смертная, разрушимая.

Чистая неразрушимая Натура была прежде нечистой разрушимой. Сія послѣдняя получила свое бытіе ошъ расстройства и неравновѣсія сущностей, составляющихъ неразрушимую Натуру: слѣдовательно до тѣхъ только поръ она и продолжалась можетъ, пока расстройство и неравновѣсіе не уничтожится, и

пока все не приведется паки въ гармонію.

Неправильное понятіе о духѣ и матеріи есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по чему многія истины Вѣры представляются намъ не въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Духъ есть существо, совершенная подлинность; и пошому свойства его суть неразрушимость, равнообразіе, проникаемость, недѣлимость, продолжительность.

Матерія не есть существо, а составъ; и пошому разрушима, дѣлима и переменъ подвержена.

Метафизическій міръ есть дѣйствительно существующій, чистый, неразрушимый міръ, коего центръ называемъ мы Христомъ, а жилищей знаемъ мы подъ именемъ Духовъ и Ангеловъ.

Материальный, физическій міръ есть міръ явленій, или міръ кажущійся. Онъ не имѣетъ совершенной истины; а все, называемое здѣсь истиною, есть только отношеніе

истина, тѣнь истины, а не самая истина; все въ немъ есть только явленіе, феноменъ.

Разумъ нашъ заимствуетъ здѣсь все свои понятія отъ чувственности, и потому они безжизненны, мертвы. — Все получаемъ мы отъ наружной видимости предметовъ и разумъ нашъ походитъ на обезьяну, которая перенимаетъ только то, что Напура ей представляетъ. И такъ одинъ чувственный свѣтъ есть здѣсь началомъ нашего разума: побужденіемъ воли нашей есть чувственность, — склонность къ скопскимъ потребностямъ и къ удовольствованію ихъ. Хотя же мы и ощущаемъ нужду въ вышнемъ побужденіи: но до сихъ поръ не умѣли мы ни искать, ни сыскать его.

Здѣсь, гдѣ все тѣнно, не возможно найти ни начала разума, ни начала нравственности, ни побудительной силы воли: надлежитъ получить намъ оное изъ вышняго міра.

Тамъ, гдѣ все чисто, гдѣ ничто не подвержено разрушенію, царствуетъ Существо, которое есть все Премудрость и Любовь, и которое чрезъ свѣтъ своея Премудрости можетъ содѣлаться для насъ истиннымъ началомъ разума; а чрезъ теплоту любви своей истиннымъ началомъ нравственности. И міръ не будетъ и не можетъ быть счастливымъ дошолъ, доколѣ сіе истинное Существо, которое есть вкупѣ Премудрость и Любовь, не будетъ совершенно принято человѣчествомъ, и не учинится въ ономъ *все во всемъ*.

Человѣкъ, любезные Братья, сложенъ изъ неразрушимаго метафизическаго и разрушимаго матеріальнаго существа; но такъ, что здѣсь разрушима матерія вѣчную неразрушимую сущность содержишь въ себѣ какъ бы въ оковахъ.

И такъ въ человѣкѣ находясь двѣ противоположныя натуры. Разрушима сущность всегда привязываетъ насъ къ чувственному: а неразрушима старается освободиться

омѣ чувственныхъ цѣпей, и ищетѣ возвышенности Духа. Омѣ сего происходитѣ безпрестанная брань между добромѣ и зломѣ. Добро всегда хочетѣ непременно разума и нравственности: а зло ежедневно ведетѣ насѣ къ заблужденію и спраси.

Такимѣ образомѣ человекѣ находится въ безпрестанной борьбѣ между добромѣ и зломѣ, между истинною и ложью; побѣждаетѣ и побѣждается, возходитѣ на высоту и падаетѣ въ пропасти, старается опять подняться и снова прешыкается.

Главной причины порчи человеческой искашъ надлежитѣ въ тлѣнной матеріи, изѣ кошорой образуются человекѣ. Сіе матеріальное, грубое вещество подавляетѣ въ насѣ дѣйствіе сверхчувственного духовнаго начала, и пошому естѣ истинная причина слѣпоты нашего ума и блуждений нашего сердца. (*)

(*) Читатель, кажешся намѣ, можетѣ здѣсь примѣнить разность сего мнѣ-

Причину ломкости глинянаго суда надлежитъ искать въ веществѣ, изъ котораго онъ составленъ. Сосудъ изъ глины, самой прекраснѣйшей формы и самой лучшей отделки, всё остаётся хрупкимъ; по тому что вещество, изъ котораго онъ сдѣланъ, таково.

Такъ и мы, немощные люди, при всемъ возможномъ внѣшнемъ образованіи нашемъ, остаемся всё ещё бранными людьми.

Избискивая причины препонъ, содержащихъ людскую нашуру въ полъ глубокоу униженіи, мы найдемъ всё оныя въ грубости матеріи, въ которую духовная ея часть какъ бы погружена и заклепана.

Негибкость нашихъ волоконъ и неподвижность соковъ, нѣжнымъ возбужденіямъ духа повиноваться

нія Авторскаго отъ другаго, представленнаго имъ въ его *Ногахъ*, на которое мы тогда еще сдѣлали свое замѣчаніе.

долженствующихъ , сушь какъ бы
цѣпи, его связующія, и препяш-
ствующія благороднымъ его вѣ насъ
дѣйствіямъ, къ какимъ былъ бы онъ
способенъ.

Нервные и мозговые соки дають
намъ шолько грубыя, не ясныя, изъ
явленій шолько, а не изъ самой
испины и не изъ самой вещи про-
изходящія понятія; и когда мы
сильному пошрясенію вѣшнихъ чув-
ственныхъ ощущеній не можемъ
прошивопоставить вѣ равновѣсіе до-
вольно сильныхъ представленій во
внушренней нашей мыслишельной спо-
собности: шо всегда увлекаемся
спрасшію; и шихій гласъ разума
заглушается громкимъ шумомъ спи-
хій, поддерживающихъ нашу машину.
Разумъ хопя и спарається одержать
верхъ надъ ними, кончить сраже-
ніе и прогнать замѣшательство свѣ-
томъ силы разсужденія: но дѣй-
ствие его походить на просіяваніе
солнца, густыми облаками непре-
шанно зашмѣваемаго.

Грубость вещества, изъ коего матеріальный человѣкъ состоитъ, и весь составъ его естества причиною сей дебелости, которая содержитъ способность души нашей во всегдашней немощи и безсиліи.

Лѣность мыслящей нашей силы вообще есть слѣдствіе зависимости ея отъ грубой неповоротливой матеріи, которая есть истинныя узы плоти и истинный источникъ всѣхъ заблужденій, и самыхъ пороковъ.

Разумъ, долженствующій быть непремѣннымъ законодателемъ, есть всегдашній рабъ чувственности; она дѣлается его власнителицею, и употребляетъ его даже къ удовольствію своимъ склонностямъ.

Истину сію давно знали, и всегда на словахъ проповѣдовали, что разумъ долженъ быть законодатель и господствовать надъ волею, а не воля надъ нимъ.

Истину сію чувствовали и великіе люди и малые: но когда дѣло доходило до исполненія, то скош-

ская воля низвергала разумъ; изрѣдка разумъ покорялъ ее, но на короткое время. Такимъ образомъ въ каждомъ человѣкѣ тѣма и свѣтъ попеременно побѣждали другъ друга и побѣждаемы были другъ о другъ; и сія-то переменная сила и безсиліе причиною непрестанной переменны добра со зломъ, лжи съ истиною.

Для приведенія человѣческаго рода къ истинѣ и добру, дабы онъ поступалъ по законамъ только разума, и дѣйствовалъ по чистымъ побужденіямъ воли, необходимо нужно отдать господство чистому разуму. Но какъ бытъ сему, когда матерія, изъ которой всѣ матеріальные люди состоятъ,* болѣе или менѣе разнообразна, груба, дѣлима, тѣлсна? — Когда она такова, что все наше бѣдствіе, скорбь, болѣзнь, бѣдность, смерть, нужды, предразсудки, заблужденія и пороки отъ нея зависятъ, и суть неизбѣжныя слѣдствія заключенности безсмертнаго

нашего духа въ узахъ грубой и плѣнной мадеріи? Не должна ли чувствѣнность господствовать, когда разумъ въ оковахъ? И не въ оковахъ ли онъ, когда нечистое слабое сердце вездѣ отвергаетъ чистыя его озаренія?

Такъ, друзья и братья! въ семѣто состоишь всеобщее несчастіе человѣковъ; и какъ порча сія разпространяется отъ человѣка къ человѣку: то по справедливости можешь она называться наслѣдственной заразою человѣковъ.

Вообще мы примѣчаемъ, что силы разума дѣйствуютъ на сердце только по частному свойству того вещества, изъ котораго человѣкъ образованъ. Также весьма достойно замѣчанія, что солнце, по мѣрѣ отстоянія своего отъ земли, живишь сіе живошное вещество, и дѣлаешь его способнымъ какъ къ опправленію живошной экономіи, такъ и къ вышшей, или низшей степени духовнаго вліянія.

Разность народовъ, свойства ихъ по мѣстному положенію, или климату ихъ страны, различность характеровъ и страстей, нравы ихъ, предрассудки, обычаи, даже самыя добродѣтели и пороки, зависящія единственно отъ частнаго, мѣстнаго свойства того вещества, изъ котораго они образованы, и въ которомъ заключенный духъ разнообразно дѣйствуетъ. По сему свойству опредѣляется и самое ихъ просвѣщеніе, и самое наученіе, которое исправляетъ каждый народъ столько, сколько удобно къ тому вещество, въ которомъ собственно состоятъ способность къ просвѣщенію, зависящая частію отъ самаго свойства того народа, частію отъ климата.

Вообще вездѣ мы находимъ того же слабаго чувственнаго человѣка, который подъ каждою полосою неба имѣетъ лишь столько добра, сколько чувственное его вещество даетъ разуму его господства надъ чувственностію; и столько зла, сколько

чувствѣнность одолѣваетъ духа, болѣе или менѣе связаннаго. Въ семъ состоитъ естественное добро и зло какъ каждаго народа, такъ и каждаго человѣка порознь.

Сію порчу, природную той матеріи, изъ коей образованы человѣки, находимъ мы во всемъ мірѣ; вездѣ бѣдность, скорбь, болѣзнь, смерть; вездѣ нужды, предразсудки, спраси, пороки — въ другихъ только видахъ и образахъ!

Изъ самаго грубѣйшаго состоянія дикой напуры человѣкъ вступаетъ въ общежитіе по нуждѣ. Сила и лукавство, главныя свойства звѣря, сопровождающъ его и развершывающя въ немъ въ иныхъ видахъ.

Измѣненія сихъ скопскихъ главныхъ свойствъ безчисленны, и самая высочайшая степень человѣческаго просвѣщенія, до какой нынѣ міръ достигъ, не сдѣлала ничего болѣе, какъ только научила на сіи главныя склонности скопо-человѣка

налагать краски нѣжныѣ. То есть, изъ состоянія скоша грубаго мы перешли въ вышнюю степень скоша хитраго.

Но и сей періодъ былъ нуженъ; ибо за нимъ начинается новый, то есть за раскрытіемъ всѣхъ скопскихъ потребностей слѣдуетъ развитіе вышней потребности во свѣтѣ и въ разумѣ.

Что причины бѣдствія смертныхъ бранныхъ человѣковъ, преданныхъ неразумію и спраснямъ, искашь должно въ маперіи, изъ копорой они образованы: то Христосъ прекрасно изъяснилъ намъ сею великою истиною, сказавъ: что „и лучший, „успремленный къ истинѣ человѣкъ „падаетъ еще седмижды на день.„ Чрезъ сіе хотѣлъ Онъ сказать, что въ самыхъ наилучше воспитанныхъ людяхъ семь силъ духа такъ еще заперты, что всѣ семь дѣйствій чувственности каждый день его побѣждаютъ, каждая своимъ образомъ.

И такъ самый лучший человѣкъ подверженъ заблужденіямъ и спрашамъ; самый лучший исполненъ слабостей, исполненъ грѣховъ, самый лучший несвободенъ отъ скорби и бѣдноты, самый лучший подверженъ болѣзни и смерти. — И для чегожъ? Для того, что все сіе есть необходимое слѣдствіе свойствъ плѣнной матеріи, изъ которой онъ составленъ.

Слѣдовательно нѣтъ человѣчеству надежды достигнуть вышняго счастья, пока сіе плѣнное и матеріальное существо составляетъ главную часть бытія его? Горестная мысль, что человѣчество само собою не можетъ вознестись къ истинному совершенству! Опчаянная мысль, но припомъ утѣшительная; ибо въ ней открывается причина, для чего вышнее совершеннѣйшее Существо долженствовало облечься въ сію смертную плѣнную плоть, дабы смертное содѣлать бессмертнымъ, и плѣнное неплѣннымъ: въ

чемъ и состоить истинная причина вочеловѣченія Іисусъ-Христова.

Христосъ, или Помазанникъ Божій, есть сіяніе Божества; Премудрость, изшедшая изъ Бога, сынъ Божій, существенное Слово, коимъ все сотворено и которое въ началъ было. — Христосъ, Премудрость Божія, художница всѣхъ дѣлъ, былъ какъ бы центръ райскаго міра свѣта: дѣйствительный же органъ, чрезъ который единъ Божеская сила могла сообщаться, есть безсмертная чистая Напура, — неразрушимая, все оживляющая, и къ высочайшему совершенству и счастью приводящая сущность, чистая стихія, въ коей жилъ духовный человекъ.

Отъ сей чистой стихіи, въ коей обиталъ единъ Богъ, и изъ сущности коей сотворенъ былъ первый человекъ, онъ чрезъ паденіе отдѣлился, а чрезъ вкушеніе отъ плода дерева смѣшенія добраго или неплѣннаго начала съ злымъ или плѣннымъ,

онъ какъ бы отправилъ себя до того, что безсмертное его существо скрылося внутрь, а смертное вышло наружу. Такимъ образомъ изчезло безсмертіе, блаженство и жизнь; и слѣдствіемъ сей перемѣны сдѣлалась смертность, бѣдность и смерть.

Многіе люди не могутъ составить себѣ понятія о древѣ добра и зла. Сіе древо было произведение оставшейся еще въ центрѣ Хаотической матеріи, въ которой плѣніе одерживало верхъ надъ неплѣніемъ. — Преждевременное вкушеніе отъ сего заразительнаго, смертоноснаго плода привело Адама въ матеріальную, смертную форму. Онъ подвергся власти стихій, бывъ прежде властительствомъ ихъ.

Сей несчастный случай причиною, что безсмертная Премудрость, чистая метафизическая стихія, облеклась въ смертную покрывку и добровольно принесла себя въ жертву, дабы внутренними своими силами

войши въ средоточіе плѣнія, и мало по малу все смертное возвеси паки къ безсмертію. И какъ чловѣкъ, нѣкогда безсмертный, вкусивъ смертнаго плода, натурально учинился смертнымъ: такъ чловѣкъ смертный, чрезъ вкушеніе безсмертнаго плода, натурально же можетъ получить прежнее свое достоинство.

Въ Царствѣ Божіемъ все происходитъ естественнo и просто: но чѣмъбъ познать сію простоту, надлежитъ имѣть чистыя понятія о Богѣ, Натурѣ и чловѣкѣ; и ежели вышнія истины Вѣры покрыты еще для насъ непроницаемымъ мракомъ: то сіе отъ того только, что мы до сихъ поръ понятія о Богѣ всегда отдѣляли отъ понятій о Натурѣ и чловѣкѣ.

Христосъ, бывъ еще на землѣ, говорилъ уже съ искреннѣйшими своими друзьями о великомъ таинствѣ возрожденія: но все говоренное Имъ было для нихъ темно, и они не могли того понимать. Разкрытіе сей

великой истины предоспавлено послѣдней годинѣ: ибо она есть послѣдняя и высочайшая тайна религіи, въ которой всѣ мистеріи сливаются какъ бы въ единицу.

Возрожденіе есть ничто иное, какъ разрѣшеніе и разпущеніе сей нечислой и тѣлной матеріи, содержащей во узахъ безсмертное наше существо, и погружающей въ смертный сонъ жизнь стѣсненныхъ дѣятельныхъ нашихъ силъ. Ради чего необходимо надобно бытъ такому дѣйствительному средству, которое бы сію закваску, производящую въ насъ смерть и бѣдность, могло уничтожить, и утѣсненные силы вывести на свободу.

Сего средства нигдѣ найти не можно, какъ только въ Религіи. Поелику же Религія, разсмащиваемая яко Наука, есть ученіе о воссоединеніи съ Богомъ: то она необходимо должна научать насъ средству, какъ достигать сего воссоединенія. Не Іисусъ ли и живошворящее его

познаніе есть главный предметъ Библии и сокращеніе всѣхъ желаній, надеждъ и чаяній Христіанина? Не получили ли мы отъ нашего Господа и Учишеля, во время пребыванія его съ Учениками, высочайшихъ изъясненій на сокровеннѣйшія истины? По воскресеніижѣ своемъ, бывъ съ ними въ прославленномъ уже тѣлѣ, не далъ ли имъ Господь нашъ и Учитель еще вышшаго откровенія о Себѣ, и не ввелъ ли ихъ еще глубже во внутреннее познаніе истины?

Не исполнилъ ли Онъ обѣщаннаго имъ въ первосвященнической своей молитвѣ: *Іоан: XVII. 22. 23.* „И азъ „ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ „ имъ, да будутъ едино, якоже мы „ едино есмы: азъ въ нихъ, и ты „ во мнѣ, да будутъ совершени во „ едино. „ —

Поелику же Ученики Господни не могли понять сей великой тайны новаго и послѣдняго Завѣша: то Хришосъ предоставилъ оную буду-

щему, нынѣ приближающемуся, послѣднему времени, сказавъ: „ вѣ шой „ день (вѣ кошорый, шо ешь, со- „ общу я вамъ славу мою,) позна- „ еще вы, что я во Опцѣ, и вы во „ мнѣ, а я вѣ васъ есмь. „ Сей За- вѣшѣ называется *Завѣтомъ* (сою- зомъ) *мира*: тогда законъ Божій дастся самому внутреннѣйшему сердца нашего; мы всѣ познаемъ Господа, учинимся Его народомъ, а Онъ нашимъ Богомъ.

Къ сему существенному спяжанію Бога, къ сему дѣйствительному, и еще здѣсь возможному, соединенію съ Нимъ, все уже пригото- влено; и Святая стихія, истинное врачевство человѣчества, открыта Духомъ Божиимъ. Трапеза Гос- подня угошована, и всѣ къ оной приглашаются; истинный хлѣбъ Ангельскій готовъ; хлѣбъ, о коемъ сказано: даси хлѣбъ имъ съ небеси.

Святость и великость тайнства, всѣ тайны вѣ себѣ заключающаго, велишѣ намъ здѣсь умолкнушь, и

намъ позволено только упомянуть
о дѣйствіяхъ его.

Тлѣнное и разрушимое въ насъ
пожрется, и облечется въ неплѣн-
ное и неразрушимое; внутреннее
чувствилище разкроется, и свяжетъ
насъ съ духовнымъ міромъ; мы бу-
демъ просвѣщаться Премудростію,
руководствоваться истиною, пи-
таться пламенемъ любви; въ насъ
разкроются недовѣдомыя силы къ
побѣжденію міра, плоти и сатаны.
Все существо наше обновится и
сдѣлается способнымъ быть дѣй-
ствительною обществомъ Духа Божія:
что доставитъ намъ господство
надъ естествомъ, обхождение съ
вышними мірами, и видимое насла-
ждение и сожитіе съ Господомъ.

Повязка невѣжества спадетъ съ
очей нашихъ, оковы чувственности
разпадутся, и мы увидимъ въ сво-
боду сыновъ Божіихъ.

Мы сказали вамъ самое главнѣй-
шее и важнѣйшее. Ежели жажду-
щее истины сердце ваше почерпнуло

обо всемъ семъ чистыя понятія, и совершенно поняло великосць и свя-
тосць вещи, какъ-то предметъ
пребуешъ: то мы и болѣе вамъ
скажемъ. Между шѣмъ слава Гос-
подня и обновленіе всего сущесства
вашего да будетъ высочайшимъ ва-
шимъ чаяніемъ! —

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Въ послѣднемъ письмѣ нашемъ, Любезные Братья, мы обратили вниманіе ваше на высочайшее изъ всѣхъ таинствъ, существенное снѣжаніе Бога: теперь нужно сообщить вамъ полный свѣтъ о семъ предметѣ.

Человѣкъ, Возлюбленные Братья, здѣсь несчастенъ по тому, что состоитъ изъ плѣннаго, всѣмъ бѣдсвіямъ подверженнаго вещества.

Брѣнная оболочка, которую онъ на себѣ носитъ, подвергаетъ его свирѣпству стихій; печаль, бѣдность, снѣданія, болѣзни суть его жребій.

Человѣкъ несчастенъ отъ того, что безсмертный духъ его поимся въ оковахъ чувственности; Боже-

ственный свѣтъ въ немъ запертъ; онъ бродитъ при лампадномъ мерцаніи чувственнаго разума по путямъ его спраннычества; и мучимый спрашьями, совращаемый предразсудками, ослѣпляемый заблужденіями, низвергается изъ пропасти въ пропасть бѣдности и несчастія.

Человѣкъ несчастенъ по тому, что онъ и тѣломъ и душою болѣнъ, и не имѣетъ истиннаго врачевства ни для тѣла, ни для души.

Тѣ, кои должныствовали вести другихъ къ счастью и управлять ими, таковы же, какъ и прочіе: также немощны, такимъ же спрашьямъ подвержены, и такими же предразсудками обладаемы.

Какая же судьба ожидаетъ человѣчество? Ужъ ли большая часть всегда будетъ несчастна? Ужъ ли нѣтъ спасенія для цѣлаго человѣчества?

Братья! Ежели человѣчество когда либо способно достигнуть блаженнаго состоянія: то сіе блажен-

ство возможно только подъ сими условіями.

Во первыхъ: бѣдность, скорбь, болѣзнь, печаль должны быть между человѣками рѣже.

Во вторыхъ: страсти, предрасудки и заблужденія меньше.

Но возможно ли сіе въ напурѣ человѣческой, вообще расплѣнной, когда опытъ изъ вѣка въ вѣкъ безпрестанно доказывалъ, что одно бѣдствіе смѣнялось всегда другимъ; страсти, предрасудки и заблужденія всегда производили пошѣже вредъ, перемѣняя только виды свои; и люди въ каждомъ вѣкѣ были шѣже бранные человѣки?

Ужасный приговоръ изреченъ надъ родомъ человѣческимъ — приговоръ: что человѣки до шѣхъ поръ не будутъ счастливы, пока не сдѣлаются мудры; и не будутъ мудрыми, пока чувствственность будетъ господствовать надъ разумомъ, а духъ помишется въ оковахъ плоти и крови.

Гдѣ человѣкъ безъ страсти? — Пусть намъ его покажутъ! Не всѣ ли мы, болѣе или менѣе, носимъ на себѣ цѣпи чувственности? Не всѣ ли невольники? — Не всѣ ли грѣшники?

Такъ, Братья! признаемся, что мы всѣ рабы грѣха.

Сіе ощущеніе бѣдности нашей зараждаетъ въ насъ нужду въ искупленіи. Мы возводимъ взоры наши въ горняя, и гласъ Ангела гласитъ къ намъ свыше: Бѣдность человѣческая прекрапится!

Человѣки больны и тѣломъ и душою. Сей всеобщей болѣзни должна слѣдовательно быть причина: а сія причина находится въ тѣльной матеріи, изъ которой человѣкъ состоитъ.

Тѣльное утѣсняетъ нетѣльное; свѣтъ Премудрости связанъ во глубинахъ мрака; квасъ грѣха живетъ въ насъ: а въ сей закваскѣ кроется порча человѣчества и разпространеніе ея, со всѣми послѣдствіями наслѣдственного грѣха.

Изцѣленіе челоуѣчества возможно шокмо посредствомъ разрушенія сей грѣховной вѣ насѣ закваски; и пошому надобны намѣ врачъ и лекаршво.

Но больной не можетъ лечишь больного, плѣнное не можетъ совершеншвовашь плѣннаго, ни мершвое оживишь мершваго, ни слѣпой водишь слѣпаго.

Совершенное шолько можетъ привести несовершенное къ совершеншву, неплѣнное шолько можетъ плѣнное сдѣлашь неплѣннымъ, и живое оживошворишь мершвое.

И шакѣ врача и средства къ изцѣленію надобно искашь не вѣ плѣнной Нашурѣ, гдѣ все смерть и разрушеніе: но вѣ вышней, гдѣ все совершеншво и жизнь.

Недосшашокѣ познанія о связи Божества съ Нашурою и челоуѣкомѣ ешть истинная причина всѣхъ предразсудковъ и заблужденій.

Богословы, Философы и Моралисты хѣшѣли управляшь міромъ, и

наполнили его вѣчными прошиворѣчіями.

Богословы не познали связи Бога съ Нашурою, и отъ того впали въ заблужденія.

Философы познали только матерію, а не связь чистой Нашуры съ Божественною, и отъ того породили самыя ложныя мнѣнія.

Моралисты не познали главной порчи человѣческаго естества, и хотѣли лечить словами шамъ, гдѣ нужно было лекарство.

Такъ міръ, человѣкъ и Богъ подвержены спали вѣчнымъ прошиворѣчіямъ; мнѣнія возспавали прошивъ мнѣній; суевѣріе смѣнялось невѣріемъ и невѣріе суевѣріемъ, и удалили міръ отъ истины, вмѣсто того чшобы приближить его къ ней.

Токмо въ училищахъ Премудрости учили познавать Бога, Нашуру и человѣка; и цѣлыя тысячелѣтія подвизались въ пишинѣ о сисканіи высочайшей степени познанія связи человѣка съ чистою Нашурою и Богомъ.

Сія великая цѣль Бога и Нашуры, къ кошорой все спремилъся, во всѣхъ религіяхъ представлялась человѣку въ чувственныхъ образахъ; и всѣ монументы и священные іероглифы были токмо буквы, въ которыхъ человѣкъ могъ обрѣсти самое высочайшее изъ всѣхъ Божественныхъ, естесственныхъ и человѣческихъ таинствъ, а именно: средство изцѣленія отъ нынѣшняго бѣдственнаго его состоянія, средство соединенія существа его съ чистою Нашурою и Богомъ.

Подъ руководствомъ Божиимъ мы достигли сей эпохи. Божество, помянувъ завѣтъ свой съ человекомъ, даровало намъ цѣлебное средство для больного человечества, и показало пути къ возведенію его паки на степень чистой Нашуры и къ соединенію съ Богомъ, яко Источникомъ его блаженства.

Знаніе сего цѣлебнаго средства есть Наука Святыхъ и Избранныхъ;

и обладаніе онымъ есть обѣщанное наслѣдіе чадъ Божіихъ.

Будьте сполько благосклонны, Возлюбленные Братья! подарите насъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ.

Въ крови нашей находится вязкая матерія, которая сродствомъ ближе къ звѣрю, нежели къ духу; сія вязкость есть вещество грѣха.

Она разнится по разнымъ чувственнымъ возбужденіямъ; и по роду образованія ея различествуютъ въ человѣкѣ злыя склонности ко грѣху.

Въ вышнемъ степеніи просяженія она производитъ гордость, высокомеріе: а въ вышнемъ степеніи сгущенія скупость, самолюбіе, эгоизмъ.

Въ отражательномъ состояніи — ярость, гнѣвъ; въ круговомъ движеніи — непосоянство, невоздержаніе.

Въ состояніи разширенности — обжирство, пьянство.

Въ состояніи сжатія — зависъ.

Въ существенности своей — лѣ-
ность.

Сей грѣховный квасъ находишь
въ каждомъ чловѣкѣ, въ одномъ
болѣе, въ другомъ менѣе; распро-
страняется отъ ошцовъ къ дѣшамъ,
и сія распложаемая зараза препяш-
ствуетъ всегда благовременному дѣй-
ствію духа на матерію.

Сей матеріи грѣха чловѣкѣ коша
и можешь волею своею полагаешь
предѣлы и обладаешь надъ нею, умень-
шая въ себѣ ея дѣйствія: но совер-
шенно уничтожишь ее не въ нашей
власти; и отъ сего въ насъ непре-
спанная брань между добромъ и
зломъ.

Сія грѣховная, находящаяся въ
въ насъ, матерія составляетъ узы
плоти и крови, связующія въ насъ
безсмертный нашъ духъ, и прико-
вывающія насъ къ скопскимъ по-
бужденіямъ. Сія грѣховная мате-
рія въ насъ есть шрушъ, въ кошо-
ромъ скопскія спраси возжигаются
и возгараются.

Сильное воздѣйствіе въ насъ сей грѣховной матеріи на чувственное побужденіе причиною, что мы, по недоспашку правильнаго и спокойнаго сужденія, всегда избираемъ зло вмѣсто добра; ибо броженіе сей поражающей спрасъ матеріи препятствуетъ спокойному дѣйствію духа, которое необходимо нужно къ разсужденію.

Сіеже вещество грѣха причиною и невѣжества нашего: ибо оно, опягчая густотою и жесткостію своею нѣжныя мозговые жилы, препятствуетъ скорому дѣйствію разума, нужному для проницанія предметовъ ума.

И такъ ложь и зло суть качества сей грѣховной матеріи въ насъ, такъ какъ истина и добро суть свойства духовнаго начала; ибо въ насъ все неограниченно господствовать можешь.

Изъ познанія сей дѣйствительной матеріи грѣха усматриваемъ мы, что мы морально больные и

имѣемъ нужду во Врачѣ, который бы далъ намъ цѣлебное средство къ унищоженію сей, ложь и злосць производящей въ насъ матеріи, къ уврачеванію насъ и содѣланію морально здоровыми.

Научаемся также видѣть, что все наше нравоученіе на словахъ мало полезно тамъ, гдѣ нужно подлинное лекарство.

Нѣсколько уже вѣковъ проповѣдують о добродѣтели, а міръ остаетъ ся всё тожьже. Больной не выздорѣетъ, ежели Докторъ при одрѣ его будетъ только говорить мораль: ему нужно предписать лекарство, а прежде еще надобно узнать истинное состояніе больного.

Болѣзненное состояніе человѣческа.

Болѣзнь человѣческая состоитъ въ оштравленіи. Человѣкъ вкусилъ отъ плода такого древа, въ кошо-

ромъ плѣнное матеріальное Начало имѣло перевѣсъ, и отправилъ себя симъ вкушеніемъ.

Первое дѣйствіе сего всеобщаго яда состояло въ томъ, что неплѣнное Начало, коего разпространеніе по всему существу составляло совершенство Адамово, спянулось внутрь, и предало наружность владычеству стихій. Тогда смертная матерія тотчасъ облекла бессмертную сущность; и лишеніе свѣта, невѣжество, страхъ, скорбь, бѣдность и смерть были естественными слѣдствіями того.

Сообщеніе съ міромъ свѣта преклоно; внутреннее око, имѣвшее вездѣ предметомъ своимъ истину, закрылось, и матеріальное око открылось къ непостоянному зрѣлищу явленій.

Человѣкъ потерялъ все свое блаженство, и безъ спасительнаго средства на вѣкъ бы погибъ въ семъ бѣдственномъ состояніи: но безконечная любовь и милосердіе Божіе,

которыя не имѣли иной цѣли при швореніи, кромѣ высочайшаго блаженства сошворенныхъ существъ, топчасъ по паденіи челоѡка опкрыли ему средство спасенія, коего могъ онъ ожидать съ своимъ пошомшвомъ, дабы въ продолжисьельномъ изгнаніи своемъ укрѣпляясь чаяніемъ и надеждою, могъ онъ переносить несчастіе свое въ смиренной преданности и терпѣніи, и обрѣщать въ странничествѣ своемъ ту великую опраду, что все, имъ испорченное, будетъ опять исправлено любовію Спасителя.

Безъ сего Опкровенія участію челоѡка было бы опчаяніе.

Челоѡкъ до паденія былъ живыи Храмъ Божества; и въ шужь минушу, какъ сей Храмъ изпровергнутъ, начершанъ уже былъ Премудросшію Божіею планъ къ воспановленію его. Съ сей почки времени начинающія таинсшва всѣхъ Религій и всѣхъ священныхъ Мисшерій, которыя суть шокмо шыся-

щекратно, по времени, обстоятельству и по числу народовъ, повторенныя и преобразованныя изображенія единой истины, которая есть возрожденіе — воссоединеніе человека съ Богомъ.

Человѣкъ до паденія былъ мудръ и соединенъ съ Премудростію: по паденіи же съ нею разлучился. И пошому нужно стало ему Откровеніе, Наука, какъ возвратишь сіе соединеніе съ Премудростію. Сіе первое Откровеніе было слѣдующее.

Безсмертіе состоитъ въ томъ, чтобы безсмертное проникало смертное.

Безсмертное есть Божественная сущность, Слава Божія въ Натурѣ, подкладка Духовнаго міра, безпредѣльность Божія, въ которой все существуетъ, живетъ и движется.

Никакая тварь не можетъ иначе быть счастливою, какъ только въ Источникѣ всего блаженства; — сей законъ есть непрѣмненъ. — Сей же Источникъ есть самая Слава Божія.

Вкушеніємъ плѣннаго брашна чело-
вѣкъ сдѣлался самъ плѣннымъ и
матеріальнымъ. Между имъ и Бо-
гомъ простерлась какъ бы матерія.
Онъ не проникается уже непосред-
ственно, и пошому подверженъ за-
конамъ матеріи.

Божественное въ немъ, заклю-
ченное въ узахъ матеріи, есть без-
смертное; оно должно освободиться,
разкрыться и возобладать надъ смер-
тнымъ; тогда челоѣкъ возстанетъ
паки въ прежнемъ своемъ достоин-
ствѣ.

Но ему нужно средство къ изцѣ-
ленію и къ обращенію; а сего сред-
ства падшій челоѣкъ самъ собою
не можетъ ни познать, не только
достать себѣ: познать не можетъ
по шому, что потерялъ чистое по-
знаваніе, свѣтъ Премудрости; а до-
стать не можетъ по шому, что
сіе средство заключено въ самомъ
внутреннѣйшемъ Насуры; а онъ не
имѣетъ ни власпи, ни силы раз-
крыть оное.

И такъ нужно ему опкровеніе, дабы познать; и сила, дабы приобрьсть сіе средство.

Сія необходимость цѣленія побудила Премудрость, или Сына Божія, опкрышья человѣку чистою субстанціею, изъ кошорой все сотворено; и сей токмо чистой субстанціи предоспавлено все мершвое оживить и все нечисное очиспить.

А дабы сіе могло воспослѣдовать, и дабы внутреннѣйшее Божественное въ человѣкѣ, въ смершной покрышкѣ заключенное, паки разярылось, и весь міръ могъ возродиться, нужно было сей Божественной субстанціи вочеловѣчиться, и свою божественную возраждательную силу перенести въ человѣчество. Также нужно было сему Божеско — человѣческому образу бытъ умерщвлену и закланну, дабы содержащая въ крови его Божественно — непѣнная сущность проникла во внутреннѣйшее земли, и произвела постепенное разрѣшеніе плѣнной ма-

періи: — дабы человекъ въ свое время паки обрѣлъ чистую возрожденную землю, и насадилъ въ оную древо жизни; — дабы вкушеніемъ отъ плода его, содержащаго въ себѣ безсмертное начало, смертное въ насъ уничтожилось, и человекъ какъ вкушеніемъ отъ плода плѣннаго начала заразился: такъ вкушеніемъ же отъ плода древа жизни изцѣлился бы.

Сіе было первое и важнѣйшее Откровеніе, на коемъ основывающіяся всѣ прочія, и кошорое, переходя изъ устъ въ уста между Избранными Божіими, сохранилось и до нашихъ временъ.

Человѣческая Натура имѣла нужду во Спасителѣ. Сей Спаситель былъ Христосъ Іисусъ — сама Премудрость Божія — дѣйствующее внѣ Бога. Онъ принялъ на себя человѣческую покрывку, дабы паки сообщить міру Божественную безсмертную субстанцію, кошорая была Онъ Самъ; произвольно принесъ себѣ

въ жертву, дабы чистыми, въ крови его заключающимися, силами проникнуть во внутреннѣйшее Нашуры и все привести къ совершенству.

Онъ, яко Первосвященникъ и купно жертва, вошелъ во внутреннѣйшее, и, по свершеніи всего нужного, положилъ основаніе къ Царесвященству Избранныхъ Своихъ, и научилъ ихъ, яко Первенцевъ Духа, познаніемъ Его и поспаси и силъ вести прочихъ человѣковъ, братьевъ единокровныхъ, ко всеобщему блаженству.

Здѣсь - по начинающся Жреческія, или Священническія шайны Избранныхъ и Внутренней Церкви. Истинная Царесвященническая Наука есть наука возрожденія, или воссоединенія падшаго человѣка съ Богомъ.

Она называется Царственною Наукою, по тому что ведетъ человѣка ко власти и обладанію надъ всею Нашурою; и Священническою, по тому, что все освящаетъ, все со-

вершенствуетъ и вездѣ разпространяетъ благодать и благословеніе.

Сія Наука ведетъ свое начало непосредственно отъ успнаго опкровенія Божія. Она всегда была наукою Внутренней Церкви, Пророковъ и Свяшыхъ, и никогда не признавала инаго Первосвященника, какъ самаго Іисуса Христа Господа.

Сія наука имѣла проякую цѣль: *во первыхъ* возродитъ челоѣка часшно, или первенцевъ изъ Избранныхъ; *потомъ* возродитъ многихъ челоѣковъ, и *наконецъ* все челоѣчество. Пракшика ея состояла въ высочайшемъ усовершенствованіи самаго себя и всѣхъ предметовъ Нашуры.

Сей Наукѣ училъ не иной кто, какъ самъ Духъ Божій и Пріявшіе сего Духа; она отъ всѣхъ наружныхъ наукъ отличалась тѣмъ, что преподавала познаніе о Богѣ, Нашурѣ и челоѣкѣ въ совершенной связи: когда напрошивъ того внѣшнія науки ни Бога, ни Нашуры, ни челоѣка, ни его назначенія прямо не знающъ.

Она доставляла человѣку познаніе какъ о чистой неповрежденной, такъ и о нечистой поврежденной Нашурѣ, и показывала ему средства совлечь сию послѣднюю и достигай той первой.

Она состояла въ ученіи познанія Бога въ человѣкѣ и Божественнаго характера въ Нашурѣ, дабы чрезъ сей послѣдній, яко печать Божію, внутреннѣйшее наше паки раскрылось и въ соединеніе съ Божественнымъ прииши могло.

И такъ сіе возсоединеніе, или возрожденіе, было вышняѣ цѣль сей науки, отъ которой священство получило свое имя. Religio значитъ *возсоединеніе*; Clerus, Клеръ, *возражающій*.

Мельхиседекъ былъ первый Царь-священникъ; отъ него производятся всѣ истинные Священники Бога и Нашуры, и къ нему примыкается самъ Христосъ, яко Іерей по чину Мельхиседекову.

Сіе слово по самому буквенному смыслу имѣетъ важное и обширное знаменованіе. Слово въ слово оно значитъ *наставляющаго* въ истинной субстанціи жизни и въ обрѣзаніи заключающей оную плѣнной оболочки.

Священникъ есть Отрѣшитель чистой Натуры отъ нечистой; Отдѣлитель всесодержащей субстанціи отъ плѣнной, бѣдность и болѣзнь причиняющей, матеріи. *Жертва*, или *отдѣленное*, состоитъ въ хлѣбѣ и винѣ.

Хлѣбъ буквенно значитъ все сохраняющую субстанцію: а *вино*, все оживляющую.

И такъ Священникъ по чину Мелхиседекову есть тотъ, который умѣетъ отдѣлять чистую все содержащую и все оживляющую матерію отъ нечистой, и употребляетъ оную средствомъ къ примиренію и воссоединенію падшаго человѣчества, для возвращенія ему истиннаго достоинства Царскаго — или власнаго

надѣ Нашурою — и сана Священническаго — или власпи соединяшь съ благословеніемъ Вышнихъ Міровъ.

Въ сихъ немногихъ словахъ содержится вся тайна Священства Божія, упражненіе Священника, и цѣль.

Но сіе Царесвященство не прежде могло получишь все свое совершенство, какъ когда самъ Іисусъ Хриосъ, вѣчный Первосвященникъ, совершилъ величайшую изъ всѣхъ жершвъ и вошелъ во внутреннѣйшее Святилище.

Здѣсь открываюшся новыя и великія тайны, доспойныя всего вашего вниманія.

Когда по предвѣчнымъ судьбамъ Премудрости и Правосудія Божія опредѣлено было спасти падшій родъ человѣческій: тогда Премудрость Божія долженствовала избрать средство, которое бы во всякомъ отношеніи было наудобнѣйшее къ доспигенію сей великой цѣли.

Какъ же человекъ вкушеніемъ плѣннаго, смертное вскисаніе въ себѣ содержащаго плода, оправилъ себя такъ, что все вокругъ его сдѣлалось мертво и плѣнно: по Божеское милосердіе долженствовало прошивопославить оному прошивное средство, которое бы также снѣдомо быть могло, но содержало бы въ себѣ все сохраняющую и все оживляющую сущность: дабы оправленный и смерти подпадшій человекъ вкушеніемъ сей безсмертной пищи паки изцѣлѣлъ и отъ бѣдности своей избавился. А чтобы сіе древо жизни могло здѣсь паки насаждено быть, нужно было сперва матеріальному, плѣнному, въ центрѣ земли лежащему началу возродиться, превратиться и приспособиться къ сущности, имѣющей нѣкогда все оживить.

Сіе приспособленіе къ новой жизни и разрѣшеніе плѣннаго, въ самомъ центрѣ земли находящагося существа, не было иначе возможно,

какъ такимъ образомъ, чтобы Божественная субстанція жизни облеклась въ плоть и кровь, дабы сокрытая въ ней силы жизни перенестъ паки въ умерщвленную Натуру: что дѣйствительно и исполнилось смертію Христовою. Изтекшая изъ проліянной Имъ крови шинкшуральная сила проникла въ самое внутреннѣйшее земли, воскресила мертвыхъ, разпоргла камни, и произвела великое и полное помраченіе солнца, выгнавъ изъ средоточія земли, куда проникъ свѣтъ, всѣ частицы въ окружность, и положивъ основаніе къ будущему паки-просвѣтленію міра.

Со дня смерти Христовой перенесенная проліянною его кровію въ центръ земли Божественная сила непрестанно работаетъ и поспешно приготавливаетъ всѣ существа къ великому предстоящему превращенію міра. Прежде же сего предстоящаго возрожденія всего міра, человекъ былъ главнымъ предметомъ

проліянной Христомъ хрови, и до-
спавленіе ему всевозможнаго совер-
шенства еще въ семъ матеріаль-
номъ мірѣ, исправленіемъ существа
его, было цѣлю безцѣнныхъ спра-
даній Іисуса Христа.

Онъ есть Спаситель міра; Онъ
же Спаситель и человѣковъ. Иску-
пленіе насъ отъ грѣха, бѣдности и
смерти было предметомъ и причи-
ною Его вочеловѣченія.

Своею плотию, въ жертву за
насъ принесенною, и кровію, за насъ
пролишою, Христосъ изкупилъ насъ
отъ всякаго зла.

Въ ясномъ познаніи *плоти и кро-
ви* Іисусъ-Христовой заключается
истинное и чистое познаніе прямого
возрожденія человѣческаго.

Соединишься со Христомъ въ обѣ-
ихъ его Намурахъ есть величайшее
шайнство Внутренней Церкви; —
быть съ Нимъ единымъ духомъ, еди-
нымъ существомъ, есть верхъ чая-
нія Избранныхъ.

Средства къ сему существенному
 стяжанію Бога отъ очей мірскихъ
 Мудрецовъ сокрыты, а открыты
 простотѣ и дѣтскому смыслу.

Гордая Философія! Повергнись во
 прахъ предъ великими таинствами
 Божества, коихъ ты не вѣдаешь, и
 къ испытанію которыхъ слабый чув-
 ственный твой разумъ средствъ не
 имѣешь!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Богъ содѣлался человѣкомъ, дабы преобожить человѣка: такъ Небо соединишь съ землею, дабы учинишь землю Небомъ.

Но чѣмъ сіе преобожение и претворение земли въ Небо могло воспользоваться, надлежитъ перемѣнишься и превратишься существу нашему.

Сія перемѣна, сіе превращение, называется *Возрожденіемъ*.

Родится называется вступишь въ міръ, гдѣ царствуетъ чувствен-ность; Премудрость же и Любовь помянися въ узахъ самости.

Возродится называется возвра-тишься въ такой міръ, гдѣ духъ Премудрости и Любви господствуетъ, а скопчеловѣкъ повинуется.

Возрожденіе есть происшествіе: во первыхъ возрожденіе *Ума*; во вторыхъ возрожденіе сердца, или *Воли*; и наконецъ возрожденіе *всего существа*.

Первое и второе называется духовнымъ Возрожденіемъ: а прешіе шѣлеснымъ.

Многіе благочестивые, Богу угодившіе человеки возродились въ духѣ и волѣ: но рѣдкіе знали шѣлесное возрожденіе. Оно немногимъ подавалось, и давалось для того, чтобы сіи человеки, какъ Повѣренныя Божіи, содѣйствовали къ великимъ цѣлямъ и намѣреніямъ Его, и приближили бы человечество къ его блаженству.

Теперь нужно показать вамъ, Любезные Братья! истинный порядокъ Возрожденія: ибо Богъ, который есть весь Сила, Премудрость и Любовь, производитъ все по порядку и гармоніи.

Кто не начнетъ духовной жизни, Любезные Братья! кто снова не ро-

дишься изъ Господа, шотѣ не взы-
дешъ на Небо.

Человѣкъ отъ родителей своихъ
раждается въ наслѣдственномъ грѣ-
хѣ, ш. е. приходитъ въ естесствен-
ную, а не въ духовную жизнь.

Духовная жизнь есть любишь Бо-
га паче всего, и ближняго, какъ се-
бя самого.

Въ сей двоякой любви состоишь
начало новой жизни.

Человѣкъ раждается во злѣ,
въ самолюбіи, и въ любви къ міру.

Самолюбіе,

Своекорыстіе,

Самоугодіе

суть сославившельныя части зла: до-
бро же состоишь въ любленіи Бога
и ближняго.

Не знашь другой любви, кромѣ
любви ко всѣмъ человѣкамъ,

Не знашь другой пользы, кромѣ
пользы всѣхъ человѣковъ,

Не знашь другой утѣхи и дру-
гаго счасія, кромѣ счасія всѣхъ —

вошѣ шо, чѣмѣ духѣ Сыновѣ Божіихѣ
опличається онѣ духа чадѣ міра.

Духа міра перемѣнишь на духа
Сыновѣ Божіихѣ — естѣ возродишься,
совлечься вѣщаго чловѣка и облечь-
ся вѣ новаго.

Но никшо не можешѣ возо-
дишься, ежели не знаешѣ и не испол-
няешѣ сихѣ главныхѣ правилѣ.

Истина естѣ предметомѣ вѣры:
добро предметомѣ нашихѣ дѣяній.

И шакѣ кто хочешѣ возродишься,
шошѣ долженѣ сперва знашь чшо
кѣ возрожденію принадлежишь.

Онѣ долженѣ все сіе поняшь,
обдумашѣ и размыслишь; и чшо
узнаешѣ, по шому долженѣ посту-
пашѣ: и слѣдствіемѣ шого будешѣ
новая жизнь.

Когда же напередѣ должно знашь
и бышь во всемѣ научену, чшо кѣ
возрожденію принадлежишь: шо во
первыхѣ нуженѣ Учитель и Наста-
вникѣ, а по узнаніи сего, вѣра кѣ
нему; ибо какая польза вѣ Учителѣ,

естьли ученикъ къ нему вѣры не имѣетъ?

И такъ начало къ возрожденію есть вѣра въ Ошкровеніе.

Надобно начать вѣрить, что Господь, Сынъ Божій, Премудрость Божія, Превѣчный Богъ, пришелъ въ міръ спасти родъ человѣческій; что Господь имѣетъ всю власть на небеси и на земли; что всякая вѣра и любовь, все истинное и доброе, отъ Него единственно приходитъ; и что Господь есть Ходатай, Спаситель и Вождь человѣковъ.

Когда сія высочайшая вѣра въ насъ укоренился: то мы часто спонемъ помышлять о Господѣ: а сіе помышленіе о Немъ, содѣйствующей благодати Его, разкроетъ въ насъ 7 заключенныхъ духовныхъ силъ. — Путь къ сему раскрытію есть слѣдующій:

Пушь кѣ блаженспву.

Ежели ты хочешь достигнуть высочайшаго возможнаго для тебя блаженспва: по ищи Испины, Премудроспи и Любви; а Испину, Премудрось и Любовь найдешь ты полько вѣ Единицѣ, копорая еспъ Господь, Хриспосѣ, Помазанникѣ Свѣша.

Ищи Христа всѣми швоими силами, ищи его полношою сердца.

Начало швоего возхожденія еспъ познаніе швоей ничпожності. Изѣ сего познанія раждаешя нужда вѣ вышней Силѣ: а сія нужда еспъ начало Вѣры.

Вѣра раждаешѣ Надежду. Но и вѣра имѣешѣ свои спепени:

Сперва Испорическая вѣра,

Пошомѣ Нравспвенная,

Послѣ Божеспвенная,

и наконецѣ живая Вѣра.

Поспепенный ходѣ еспъ слѣдующій:

Историческая Вѣра начинается тогда, когда мы изъ Исторіи времени и Откровенія познаемъ, что былъ Мужъ, называвшійся Іисусъ Назорянѣ; что сей Мужъ былъ совсѣмъ особенный человѣкъ, чрезвычайно любившій человѣковъ, оказавшій имъ великія благодѣянія и ведшій жизнь самую добродѣтельную; однимъ словомъ, былъ самый добродѣтельный и наилучшій человѣкъ, заслужившій все наше уваженіе и любовь.

Изъ сей простой исторической вѣры о бытіи Христа открывается вѣра Нравственная, то есть: что мы все, чему сей Мужъ училъ, одобряемъ; дѣйствительно видимъ и находимъ, что простое его ученіе исполнено Премудрости и Любви; что Онъ совершенно добра желалъ человѣкамъ, и претерпѣлъ смерть за истину: тогда по вѣрѣ къ лицу Его приходѣтъ вѣра въ слово Его; а изъ сей открывается вѣра въ Божественность Его.

Тотъже Хриспосъ , который въ лицѣ своемъ такъ намъ любезенъ, а жизнию и учениемъ своимъ такъ почтенъ для насъ, теперь уже Самъ сказываетъ намъ, что Онъ есть Сынъ Божій, и слова свои утверждаетъ сверхъестественными чудесами: изцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ, воскрешаетъ отъ смерти, и послѣ оной еще 40 дней обращается съ своими Учениками, дабы научить ихъ вышнимъ тайнствамъ Напуры и Религiи.

Здѣсь напуральная и разумная вѣра во Христа переменяется въ Божественную; мы начинаемъ вѣрить, что онъ былъ вочеловѣчивыйся Богъ.

Изъ сей вѣры происходитъ увѣренiе и въ то, чего мы еще не понимаемъ, но чему онъ училъ вѣрить.

Изъ сей вѣры въ Божество Иисусово, изъ совершенной нашей преданности Ему и вѣрнаго послѣдованiя Его заповѣдямъ рождается наконецъ живая вѣра, въ которой мы

внушренно все то находимъ истиннымъ по опыту, чему доселѣ вѣрили только по дѣшской довѣренности; и сія живая, опытомъ подтвержденная, вѣра есть самая вышняя степень.

Когда сердце наше приметъ въ себя Христа живою вѣрою: тогда сей свѣтъ міра рождается въ сердцѣ нашемъ какъ бы въ бѣдныхъ ясляхъ.

Въ насъ все нечисто, все покрыто паушиною суешности, все замарано грязью чувственности.

Воля наша есть волъ, въ ярмо страстей запряженный.

Разумъ нашъ оселъ, упрямый въ своихъ мнѣніяхъ, предразсудкахъ и глупостяхъ.

Въ сей - то бренной, развалившейся хижинѣ, въ жилищѣ скопскихъ страстей, вѣрою рождается въ насъ Христосъ.

Простоша души нашей представляешь пасшеское состояніе; она приноситъ ему первыя жертвы, пока при главныхъ силахъ Царскаго на-

шего достоинства: Разумъ, Воля и Дѣятельность, повергнувшись предъ Нимъ и принесушъ Ему дары истины, мудрости и любви.

Мало по малу ясли сердца нашего превращаются въ наружный Храмъ, въ которомъ Христосъ учитъ. Но сей Храмъ наполненъ еще Книжниками и Фарисеями; продающіе голубей и торгующіе еще находящіяся въ немъ: но они должны быть изгнаны и Храмъ превратиться въ домъ Моливны.

Мало по малу Христосъ избираетъ себѣ всѣ способныя въ насъ силы къ проповѣданію Его; врачуетъ нашу слѣпоту, очищаетъ нашу проказу, мертвое въ насъ воскрешаетъ, злое умерщвляетъ, распинается въ насъ, умираетъ и воскресаетъ славно Побѣдишелемъ: тогда ходишь въ насъ въ лицѣ своемъ, научая вышнимъ тайнствамъ; и когда наконецъ учинишь насъ способными къ совершенному возрожденію, то

возносится на Небо и посылаетъ намъ своего Духа истины.

Прежде нежели сей Духъ начнетъ въ насъ дѣйствовать, производящъ слѣдующія перемѣны:

Во первыхъ возвышаются въ насъ 7 силъ *Ума*, попомъ 7 силъ сердца, или *Воли*; и сіе возвышеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Человѣческой Умъ раздѣляется на 7 силъ, или способностей. Первая сила есть способность зрѣть внѣ себя предметы — *Умозрѣніе*, *Умопредставленіе*, *Intuitus*.

Вторая состоятъ въ способности принимать видимые предметы въ себя — *Понятіе*, *Apperceptio*.

Третья принятое отдаетъ назадъ — *Размышленіе*, *Reflexio*.

Четвертая сила есть способность разсмащивать принятыя предметы въ ихъ многообразіи — *Воображеніе*, *Phantasia*, *Imaginatio*.

Пятая сила состоятъ въ рѣшительности — *Разсужденіе*, *Iudicium*.

Шестая собираетъ и разпоряжаетъ все по отношеніямъ — *Разумъ*, Ratio.

Наконецъ седьмая способность соображенные вещи образуетъ въ существо для ума — *Смыслъ*, Умъ, Intellectus.

Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ какъ бы сумму всѣхъ прочихъ.

Воля человѣческая также дѣлится на 7 силъ, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ волю человека, и суть какъ бы составительныя ея части.

Первая есть способность хотѣть желательныхъ вещей внѣ себя — *Желаніе*, Desiderium.

Вторая есть способность желательныя вещи себѣ присваивать — *Похотѣніе*, *Похоть*, Appetitus.

Третья есть способность давать имъ видъ, дѣлать ихъ дѣйствительными, или исполнять желаемое — *Вожделѣніе*, Concupiscentia.

Четвертая есть способность принимать въ себя наклонности, безрѣшимости еще на которую либо

сторону, или есть состояніе чело-
вѣка въ *Страсти*, Passio.

Пятая есть способность рѣши-
мости въ пользу вещи, или противъ
вещи — *Свобода*, Libertas.

Шестая есть способность выбо-
ра, или дѣйствительная рѣшитель-
ность — *Избраніе*, Electio.

Седьмая есть способность избра-
нію давать бышіе — *Воля*, Voluntas.

Сія седьмая сила также содер-
житъ въ себѣ всѣ прочія, и есть
сумма ихъ.

Сіи 7 силъ Ума и 7 силъ Сердца,
или Воли, могутъ особливѣмъ обра-
зомъ облагородиться и возвыситься,
когда мы Христа, яко Премудрость
Божію, возьмемъ за правило нашему
разуму; а всю жизнь его, состоя-
щую въ одной любви, за побужденіе
нашей воли.

Умъ образуется по Христу

І. Когда мы во всѣхъ случаяхъ
смотримъ на Него, когда Онъ сосла-
вляетъ единственную цѣль дѣлій
нашихъ, — *Умозрѣніе*, Intuitus.

2 Когда мы вездѣ замѣчаемъ его дѣянiя, его чувствованiя и его духъ — *Понятiе*, *Apperceptio*.

3. Когда мы во всѣхъ нашихъ мышленiяхъ наблюдаемъ его, и мыслимъ, какъ бы онъ о томъ мыслилъ — *Размышленiе*, *Reflexio*.

4. Когда его чувствованiя, его мысли, его Премудрость поставляемъ единственнѣйшимъ предметомъ нашей вообразительной силы — *Воображенiе*, *Phantasia*.

5. Когда отвергаемъ всякую мысль не его, и избираемъ всякую, которая могла бы быть его — *Разсужденiе*, *Iudicium*.

6. Когда мы наконецъ весь составъ идей духа нашего распорядимъ по его идеямъ и по его духу — *Разумъ*, *Ratio*. Тогда

7. Возходимъ въ насъ новый свѣтъ, несравненно превышающiй чувственный разумъ; свѣтъ вышнiй — *Умъ*, *Intellectus*.

Также точно образуется наше сердце, когда мы во всемъ

1. Его только желаемъ — *Желаніе.*

2. Его только хошимъ — *Похотѣніе.*

3. Его только вождѣваемъ — *Вожделѣніе.*

4. Его только любимъ — *Любовь, страсть.*

5. Все то избираемъ, что есть Онъ, и всего того убѣгаемъ, что не Онъ — *Избраніе.*

6. По Его только гармоніи, по Его заповѣдямъ, усшавамъ и повелѣніямъ живемъ — подчиненіе *Свободы.* Ошъ чего наконецъ

7. Произходитъ совершенное соединеніе *воли* нашей съ Его волею; а по сему соединенію человѣкъ со Христомъ есть единъ умъ и едино сердце.

При семъ совершенномъ соединеніи посшепенно воскресаешъ въ насъ новъй человѣкъ; Божественная Премудрость и Любовь соединяющся въ насъ для произведенія новаго духовнаго человѣка, въ сердцѣ коего

вѣра переходитъ въ созерцаніе; и предъ сею оживленною вѣрою сокровища обѣихъ Индій суть ничто.

Сіе существенное стяжаніе Бога, или Христосъ въ насъ, есть центръ, къ которому всѣ таинства, какъ лучи въ кругѣ, усшремлены, и въ которомъ одномъ заключается высочайшее таинство религіи и всѣхъ мистерій.

Царство Божіе есть царство истины, благонравія и благоденствія. Оно шворится внутренно въ нѣкоторыхъ людяхъ, и посшепенно разпространится Духомъ Христовымъ на всѣ народы, дабы вездѣ учредились порядокъ, отъ котораго какъ каждая часть порознь, такъ и весь составъ, выиграшъ можетъ; отъ котораго человѣческая Натура можетъ развиться до высочайшаго совершенства, и больной человѣческой родъ изцѣлиться отъ всѣхъ недуговъ.

Одна Любовь и Духъ Божій будутъ нѣкогда оживлять все человѣчество. Духъ Божій возбудишь и вос-

кресишѣ силы челоѣческаго естества, поведешѣ ихѣ по цѣлямѣ Премудрости и поставишѣ ихѣ вѣ надлежащій порядокѣ.

Любовь начальствующимѣ къ подчиненнымѣ, покорность подчиненныхѣ къ начальникамѣ, мирѣ, вѣрность гражданѣ, согласіе вѣ дому, взаимная любовь народовѣ будущѣ первыми плодами сего Духа.

Восхищеніе духа безѣ мечтательства, возвышеніе души безѣ сумасбродства, благошворный жарѣ сердца безѣ бурливой нешерпѣливости сближаѣ, примиряѣ и соединяѣ споль давно, шоль многими разношьями, разлученныя и предрасудками и заблужденіями другѣ прошивѣ друга ополченныя части челоѣческаго рода; и вѣ семѣ Храмѣ Натуры великій и малый, бѣдный и богашый возпоюшѣ хвалу Ошцу любви.

НЕБО НА ЗЕМЛИ,

ИЛИ

**ХРИСТОСЪ ВЪ СЕРДЦАХЪ
ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.**

Миръ тогда лишь счастливъ будетъ,
Какъ найдетъ Христа въ себѣ;
Онъ даетъ землѣ блаженство,
Миръ и счастье всѣмъ странамъ.

Чтожъ Христосъ есть? Онъ Премудрость,
Онъ Любовь, Онъ Сила весь;
Онъ Источникъ побуждений,
Что въ насъ свѣтъ внутри творитъ.

Гдѣ Иисусъ, тамъ все блаженство
Ощущаетъ сердце Имъ;
Онъ одинъ подѣмлетъ бремя,
Подавляющее насъ.

Нѣтъ печали, нѣтъ страданья,
Гдѣ Его вселится Духъ:
Дни весенніе приходятъ,
Съ Нимъ, какъ роза, мы цвѣтемъ.

И Царямъ, что Имъ водимы,
Нѣтъ подобнаго въ Царяхъ;
Скипсромъ ихъ Любовь владѣетъ,
И Любовь держава ихъ.

Начершимъ картину счастья,
Онъ которое даетъ,
Какъ въ дворахъ Его другъ друга
Любящъ человѣки всѣ!

Тамъ Цари ошцами спали,
Тамъ Священники врачи;
И Ему мы, Мирошворцу,
Будемъ симъ одолжены!

Все, что бѣгало другъ друга,
Съединится дружбой ввѣкъ;
Иудей шамъ и Язычникъ
Будетъ шомъ же человѣкъ.

Для больнаго всѣ лекарства
Тамъ гошovy напередъ,
О убогомъ понечешся
Нѣжношъ брашскія любви.

Тамъ голоднаго насыпашъ,
 Въ нуждѣ помощь подадущъ,
 Сстранника подъ кровъ примущъ,
 Пищу, пишіе дадущъ.

Тамъ вдова не лъетъ слезъ горькихъ,
 И не стонетъ сирота;
 Пропитанье всякъ имѣетъ,
 Богъ печется обо всѣхъ.

Духъ и Истина во Храмъ,
 Сердце жертвой алтара,
 И Божественной печашью
 Знаменованъ тамо Жрецъ,

Мудрость тамъ вѣнца сіянье,
 Обладаетъ тамъ Любовь;
 Въ міръ съ миромъ обитая,
 Въ немъ она устроишь рай.

Ни единого изъ братьевъ
 Не прольется тамо кровь;
 Тамъ единого всѣ рода,
 И подпорой братахъ братъ.

И врачи, что самовольно
 Отсѣкають члены прочъ,
 Умудрясь, беречь ихъ будутъ,
 Яко собшвенность шѣлесь.

О восторгъ! Какая радость!
 Я не зрѣлъ подобной сей:
 Христіанинъ, Жидъ, Язычникъ
 Тамъ идущъ рука съ рукой.

Волкъ пасется вмѣстѣ съ агнцемъ,
 И змѣя съ младенцемъ спитъ:
 Всѣ враждебныя напуры
 Чрезъ Любовь примирены.

Соверши еще не дальній,
 Спранникъ! пушь, и оглянись:
 Се! въ очахъ твоихъ спадаетъ
 Со Святилища покровъ.

Зри: тамъ мракъ и заблужденья,
 Предразсудки и порокъ
 Въ царство тѣней убѣгаютъ,
 Какъ отъ солнца нешопырь.

Се земля явится нова,
 Наступаетъ новый міръ;
 Духъ Христовъ речетъ: *да будетъ!*
 И міръ новый предстоитъ.

Предстоитъ! Ты мнишь, очами
 Можешь въ явѣ зрѣть его?
 Пошерпи, пока завѣса
 Вся поднимется съ него.

Но земля ужъ не боится
 Превращеній никакихъ;
 Всѣхъ блаженство утвердится,
 Близъ Господь людей своихъ.

Пусть Духъ тьмы во браняхъ губитъ,
 Тысящи людей разитъ;
 Онъ Всемошью уступитъ,
 И Любовь все побѣдитъ.

Богъ войной народъ караетъ,
 Забывающій Его;
 Грѣхъ грѣхомъ казниться долженъ,
 Бывъ источникъ всякихъ золъ.

Но едва едину слезу
 Грѣшникъ къ Богу проліетъ;
 Престаетъ его спраданье,
 Богъ является Отцемъ.

Онъ одинъ всѣхъ цѣли знаетъ
 И премудро къ нимъ ведетъ;
 Многіе, спремывая къ онимъ,
 Ихъ не вѣдають опинюдь.

На вѣсахъ разсудка вѣсятъ
 Что впадаетъ въ око имъ:
 Но какъ вскрыется завѣса,
 Какъ ихъ взоръ шокъ удивитъ!

Прочь отъ Бога постыжденный
Гордый міра философъ!
Упованіе Онъ мудрыхъ,
Онъ ихъ свѣтъ и счастье ихъ.

Разумъ, вами обоженный,
Только чувственный есть свѣтъ:
Кто кружится въ Вавилонѣ, (*)
Къ истинѣ томъ не придетъ.

Сокрушитъ рукъ дѣло вашихъ
Возвѣвая въпромъ прахъ,
И предъ сильной мощью Вѣры
Всяка ложь не посстоитъ.

(*) Въ оригиналѣ стоишь здѣсь слово *Habel*:
но, вѣроятно, сіе опечатка, и по смыслу
кажется вмѣсто *h.* должно быть *B. ш. e.*
Babel. Вавилонъ, а не *Авель*.

Библиотека
И. И. Румянцева
Москва
1901 г. 12

Погрѣшности.

налетатано

титай

сшран. сшр.

83	15	Ввесьма
99	18	подвергся
102	12-13	глубже
130	1	крови

Весьма
подвергся
глубже
крови

Сия книга
головамъ брата
подарена въ
Знамя на мѣсяцъ
Августъ Свѣтъ
мѣсяцъ въ
Взвѣсѣнъ

